



АНИМАЦИОННЫЙ
ТАЙМС
ПОХИЩЕН
ЗОЛОТОЙ
КОМПАС!



ПОЛИЦИЯ БЕССИЛЬНА

МУЗЕЙ СТАЛЬБУРГА

Золотой КОМПАС — и — Ключ

КНИГА 1

РОЗЫСК!



ГЕОРГ КРОТ
ПОДОЗРЕВАЕТСЯ
В КРАДЕ

ДНЕВНИК
АРХИТЕКТОРА

«Вольный дух, острый ум и полосатая гордость —
мы не служим закону, мы служим истине.»

— Реминстон «Профессор» Тьюз

Юрий Адаменко

Юрий Адаменко

**Агенство полосатых маскеров.
Золотой компас и ключ**

«Автор»

2026

Адаменко Ю.

Агенство полосатых маскеров. Золотой компас и ключ /
Ю. Адаменко — «Автор», 2026

Стальбург, 1887 год. Город, где пар и уголь правят бал, где аристократы-лисы пьют чай в особняках Гленмора, а в трущобах Риверсайда правит Речной Синдикат. Город, где газовые фонари освещают лишь верхушку — а под землёй, в старых дренажных туннелях, зреет заговор, способный переписать историю. Из музея исчезает Золотой компас. В отчаянии директор обращается к единственным, кто видит невидимое и слышит неслышимое — в Агенство Полосатых Маскеров. Их пятеро. Бывший профессор логики с пенсне. Молчаливая тень с гиперчувствительными лапами. Гениальный химик с нюхом на запахи. Отставной капитан с тростью-кинком. И актриса, способная стать кем угодно за десять минут. Но кража компаса — лишь верхушка. За ней стоит нечто большее: сеть подземных ходов, тайное общество, старый символ, и таинственный Архитектор, который уже начал свою игру. Игроки на доске расставлены. Ставка — сам Стальбург. Первая книга цикла «Агенство полосатых маскеров».

© Адаменко Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
ГЛАВА 1: «ПЫЛЬНЫЙ СЛЕД»	9
ГЛАВА 2: «ПРОТОКОЛ ДИРЕКТОРА»	25
ГЛАВА 3: «НОЧНОЙ СТОРОЖ»	41
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Юрий Адаменко

Агенство полосатых маскеров.

Золотой компас и ключ

Пролог

«АНИМАЛ ТАЙМС», 1 октября 1887 года

Цена: 2 пенса

Утренний выпуск

КОМПАС ИСЧЕЗ!

МУЗЕЙНЫЙ СКАНДАЛ ГРОЗИТ ПЕРЕПИСАТЬ ИСТОРИЮ ГОРОДА

Драгоценный артефакт эпохи основания Стальбурга похищен при загадочных обстоятельствах. Директор музея в истерике. Полиция разводит лапами.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ РЕПОРТАЖ НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА ФИЛИППА БРАЙТА

Стальбург, вчера, поздний вечер. Туман, как обычно в это время года, выползал из реки и липкими языками облизывал газовые фонари Мидтауна, когда в Историческом музее имени первого градоначальника случилось то, что уже окрестили «кражей века». Или, если верить шёпоту за кулисами, — «проклятием основания».

Золотой компас, который держал в лапах сам лорд-основатель Стальбурга, закладывая первый камень в фундамент нашего города, исчез. Испарился. Растворился в воздухе, оставив после себя лишь пустую витрину и нервный тик директора.

— Этого не может быть! — восклицал директор музея, почтенный филин Альдвин Кроп, когда наш корреспондент застал его в кабинете, заваленном бумагами и пустыми чашками из-под чая. Его огромные жёлтые глаза, обычно спокойные и мудрые, сейчас напоминали два блюдца, в которые налили кипяток. Оперение на голове стояло дыбом, что придавало ему сходство с растрёпанной подушкой. — Я самолично проверил витрину перед закрытием! В шесть вечера компас был на месте! Я прикоснулся к нему! — он протянул дрожащую лапу-коготь, словно всё ещё ощущал холод золота. — Я чувствовал его тяжесть, слышал тиканье внутреннего механизма. А в восемь... в восемь его не стало!

— Вы уверены, что не ошиблись во времени? — поинтересовался я, делая пометки в блокноте. За окном кабинета, в коридоре, уже толпились перепуганные служители, уборщицы с мокрыми тряпками и двое полицейских, которые, судя по их кислым мордам, предпочли бы сейчас находиться где угодно, только не здесь.

— Я филин! — возмутился Кроп, прижимая крыло к груди. — Я различаю время с точностью до секунды! Я знаю, когда пролетает почтовый голубь над крышей, и когда в трубе начинается сквозить! Это... это оскорбление!

Оскорблением, впрочем, пахло не только от слов директора. В воздухе кабинета витал устойчивый аромат валерьянки, которой, видимо, пытались успокоить раздёрганного филина, и ещё один, более тонкий запах. Запах страха. Да-да, почтенные читатели, страх имеет запах. Он кисловатый, чуть металлический, с привкусом старого пота. Так пахнут все, кто только что потерял что-то бесценное, и знает, что вернуть это уже не получится. Весь музей пропах этим запахом.

Витрина, где хранился компас, находилась в центральном зале, посвящённом эпохе основания города. Это был величественный зал с высокими сводчатыми потолками, расписанными фресками, изображающими благородных зверей-первопроходцев. Медведи в камзолах, лоси

с теодолитами, бобры с чертежами — все они, казалось, с укоризной взирали на пустующее место.

Сама витрина, массивная конструкция из дуба и закалённого стекла, оборудованная по последнему слову техники, была цела и невредима. Стекло не разбито, замки не взломаны, сигнализация, которую установили всего месяц назад, молчала.

— Это работа профессионала, — изрёк один из полицейских, молодой хорёк с усиками, которые он нервно покусывал. Его звали, кажется, инспектор Уикер. — Или, — добавил он после многозначительной паузы, — это работа призрака.

Призрак. Легче списать всё на потусторонние силы, чем признать, что вы, Зоо Ярд, стоите с высунутым языком перед пустой витриной. Мы, журналисты, знаем этот трюк. Когда полиция говорит «призрак», это означает: «Мы не имеем ни малейшего понятия, что здесь произошло, но нам нужно сказать хоть что-то, чтобы не выглядеть полными идиотами».

— Призрак? — переспросил я, стараясь, чтобы в голосе не звучала откровенная насмешка.

— Основатель города, — встрял директор Кроп, которого, видимо, эта версия не успокаивала, а, напротив, приводила в ещё большее возбуждение. — Говорят, его дух до сих пор бродит по залам! Он не любил, когда к его вещам прикасаются чужие лапы! Может, он сам забрал его!

— Как удобно, — заметил я, — что дух имеет доступ к сложным замкам и может проходить сквозь стекло, не оставляя следов. Не хотите ли вы сказать, что ваш основатель был мастером-взломщиком?

Директор обиженно захлопал глазами, но промолчал.

В этот момент в зал вошёл сержант Грэхем, тот самый барсук, которого старые газетчики прозвали «ходячим протоколом». Он был воплощением бюрократии. С квадратной челюстью, квадратными плечами и, судя по всему, квадратными мыслями. В лапах он держал блокнот, куда старательно записывал показания свидетелей.

— Никто ничего не видел, — доложил он инспектору Уикеру голосом, лишённым каких-либо эмоций. — Охранник, кролик по фамилии Долгоух, в момент кражи спал. Говорит, что слышал странный скрип, но подумал, что это кошка. Уборщица, миссис Хвост, ушла в восемь. Она утверждает, что видела у входа подозрительную фигуру, но не может описать её, потому что было темно и она не носит очки.

— Не носит очки? — переспросил Уикер с нарастающим раздражением. — Как можно работать уборщицей в музее и не носить очки?

— Она сказала, что очки ей не к лицу, — пожал плечами Грэхем. — И добавила, что если бы мистер Кроп платил ей больше, она бы купила себе монокль.

Директор издал звук, похожий на удушье.

— Я не нанимаю её для того, чтобы она следила за ворами! — закричал он, размахивая крыльями. — Я нанимаю её, чтобы она мыла полы!

— Полы чистые, — невозмутимо ответил Грэхем, заглядывая в блокнот. — Она свою работу знает. Но воров не видит. Это факт.

На этом месте наш корреспондент позволил себе покинуть зал и прогуляться по музею. В коридорах пахло пылью, лаком для мебели и старой бумагой. Тем особенным запахом, который бывает только в местах, где хранятся века. Между экспонатами сновали перепуганные служители. Белки в ливреях, старый барсук-реставратор с лупой на лбу, который всё пытался найти хоть какую-то зацепку.

— Ничего не понимаю, — бормотал он себе под нос. — Замок как замок. Механизм простой, но надёжный. Чтобы его открыть без ключа, нужно обладать либо феноменальным талантом, либо иметь ключ. Или, — он понизил голос до шёпота, — иметь доступ к мастер-ключу.

— Кто имеет доступ к мастер-ключу? — спросил я.

Барсук оглянулся по сторонам, как заговорщик.

— Только директор, — прошептал он. — И я. И ещё... ну, ещё Георг. Он наш таксидермист. Но он крот, он вечно сидит в своей мастерской и чучела набивает. Ему-то зачем?

— Может, он хотел набить чучело компаса? — пошутил я. Барсук не оценил.

У выхода из музея меня перехватила пожилая выдра в фартуке, уборщица, миссис Хвост. Она держала в лапах ведро и, судя по всему, была очень обижена тем, что полиция не восприняла её показания всерьёз.

— Я видела! — заявила она, сверкая маленькими глазками. — Я видела фигуру! Не из наших! Не из музейных!

— А кто? — терпеливо спросил я.

— А чёрт его знает! — фыркнула выдра. — Может, крыса. Может, крот. Маленький, тёмный, в плаще. И всё время оглядывался. Я хотела крикнуть, но он так быстро исчез, что я подумала, привиделось. А потом, представляете, он меня чуть не сбил с лап! Выскочил из-за угла и умчался вниз по лестнице! Я чуть ведро не уронила!

— А где он скрылся?

— Как где? — удивилась выдра. — В подвал! Только у нас подвал заперт, а он туда юркнул, и нет его! Как сквозь землю провалился!

Сквозь землю. Очень удачное выражение, учитывая, что под Стальбургом существует целый лабиринт старых тоннелей, водостоков и катакомб. Но об этом мы, простые обыватели, стараемся не думать. Там, под землёй, по слухам, живут те, кто предпочитает не показываться на свет.

Я решил проверить подвал. Спускаться в сырость и темноту не хотелось, но профессиональный долг превыше всего. Лестница была крутой, ступени скользкими, и в воздухе витал уже не просто страх, а настоящий запах запустения. Смесь плесени, стоячей воды и крысиного помёта.

Внизу было тихо. Слишком тихо. Слышно было, как где-то далеко капает вода. Слышно, как шуршат стены, усадьба дышит. И ещё... и ещё я услышал нечто странное. Едва уловимый, но очень отчётливый механический звук. Как будто где-то рядом тикают часы. Тик-так. Тик-так. Я замер, прислушиваясь. Но звук тут же прекратился.

В подвале я нашёл только старую мебель, ящики и толстый слой пыли. Никаких следов, никаких отпечатков лап. Только на полу, у дальней стены, лежал... обломок серого пера. Обычное перо, каких много у любой вороны. Я хотел было его поднять, но в тот момент сверху раздался голос инспектора Уикера, и я поспешил покинуть это негостеприимное место.

Но это перо... и тиканье. Я не мог отделаться от ощущения, что за мной кто-то наблюдал. Что в темноте подвала есть глаза.

Когда я поднялся наверх, полиция уже сворачивала свои пожитки. Уикер раздражённо отдавал приказы:

— Никого не пускать. Ничего не трогать. Выставить охрану. Завтра утром пришлём экспертов из управления.

— Из управления? — фыркнул Грэхем. — Они придут через неделю, не раньше. У них сейчас проверка пожарной безопасности в порту.

— Тогда вообще никого не пускайте! — рявкнул Уикер. — Дело закрыть! Временно!

Дело закрыть — самое любимое занятие наших доблестных стражей порядка. Если нельзя раскрыть — закрой. Если нельзя найти — потеряй. И пусть компас канет в Лету.

Я, разумеется, не удовлетворился такой развязкой. В то время как полицейские разъезжались по своим участкам, я задержался у входа в музей и стал разговаривать с толпой зевак, собравшихся у ворот. Среди них был маленький суслик-газетчик, который вертелся тут же с утра.

— Слышал, слышал! — затараторил он, когда я протянул ему пенс. — Про компас все говорят! А ещё говорят, что это не первый случай! В прошлом месяце у одного коллекционера пропала старая карта города! Тоже из музея, только он её не показывал, а держал в своём кабинете. И тоже, замок цел, сигнализация молчит!

— И что? Полиция нашла ту карту?

Суслик засмеялся, сверкнув острыми зубками.

— Полиция! Да они сказали, что это старьёвщик утащил на дрова! А карта, говорят, была на пергаменте, с золотым обрезом! На дрова!

Я сделал пометку в блокноте. Карта. Золотой обрез. Интересное совпадение.

— И ещё! — продолжал суслик, понижая голос. — Говорят, директор этот не просто так истерит. Он вчера, перед кражей, кому-то звонил. И сказал: «Я не могу, это слишком опасно. Меня могут убить». А на том конце провода ему ответили...

— Что ответили?

Суслик оглянулся по сторонам и прошептал на ухо:

— Ему сказали: «Выполнишь — будешь жить. Не исполнишь — умрёшь. Выбирай».

А потом суслик убежал, потому что его окликнул старший газетчик. Я остался стоять с этой фразой в голове. «Выполнишь — будешь жить. Не исполнишь — умрёшь». Что за странная угроза? Что должен был сделать директор? Что он мог скрывать?

Ответа у меня не было. Но одно я знал точно: эта история только начинается. И там, за кулисами, есть кто-то, кто дергает за ниточки. Кто-то, кто уже на шаг впереди полиции. И, возможно, даже впереди самого директора.

P.S. Редакция «Анимал Таймс» не раз сообщала о странной серии краж в городе, связанных со старыми артефактами. Карты, чертежи, старинные книги — всё это исчезает, словно по мановению волшебной лапы. Официальная версия — «обычный криминал». Неофициальная — в городе появился коллекционер, который скупает тайны нашего прошлого. И этот коллекционер не остановится ни перед чем.

Мы будем следить за расследованием. И если полиция, как обычно, окажется бессильна, может быть, найдётся кто-то, кто сможет найти невидимое и услышать неслышимое. Такие, говорят, есть. Они носят маски. И они не боятся искать правду там, где другие топчутся на месте.

Но это уже совсем другая история.

Филипп Брайт, специальный корреспондент «Анимал Таймс».

Врезка на полосе:

Внезапно, в самую ночь кражи, в редакцию пришло анонимное письмо без обратного адреса. Внутри был всего один клочок пергаменты, на котором пером было нацарапано:

«Ищите того, кто знает, что компас — только ключ. Настоящая дверь — под землёй.»

Письмо не подписано. На обороте — странный символ: переплетённые ключ и перо. Что это? Послание от вора? Или подсказка от того, кто знает больше? Редакция оставляет за читателями право самим строить догадки. Но одно ясно: Стальбург — не просто город паровых машин и газовых фонарей. Он полон теней.

Настоящий детектив начинается не с преступления, а с вопроса, который никто не решается задать.

ГЛАВА 1: «ПЫЛЬНЫЙ СЛЕД»

Утро третьего октября выдалось на редкость промозглым. Стальбург, этот вечно дымящийся, вечно кашляющий гигант, натянул на себя серое одеяло тумана, словно старый барсук, который не желает вылезать из постели. Газовые фонари на Бейкер-стрит ещё горели тусклым жёлтым светом, хотя часы на башне муниципалитета уже пробили девять. Капли конденсата стекали по стёклам, оставляя мутные дорожки, и за ними мир казался размытой акварелью, в которой не было места чётким линиям. Тем линиям, которые Ремингтон Тьюз ценил превыше всего.

Он стоял у окна своего кабинета, заложив лапы за спину, и смотрел на улицу. Его мех, тщательно расчёсанный и слегка тронутый сединой на висках, лоснился в тусклом свете. Пенсне на шёлковом шнурке покоилось на переносице, и он машинально поправил его, заметив, как под фонарём прошмыгнула мокрая крыса, разносчик утренней почты. Хвост крысы оставлял на мокрых камнях тонкий, почти невидимый след, и Ремингтон почему-то задержал на нём взгляд дольше, чем следовало.

— Следы, — пробормотал он себе под нос. — Всё начинается со следов. Если бы мы умели читать их так же хорошо, как читаем газеты, преступность бы исчезла сама собой.

В дверь постучали. Три раза. Коротких. Деловитых. И почти сразу же она отворилась, и в кабинет вошла Люсиль. Она двигалась так тихо, что даже половицы, обычно жалобно поскрипывающие под любым шагом, на этот раз не издали ни звука. Её лапы были обмотаны мягкой тканью. Привычка, от которой она отказывалась только перед сном.

— Вам письмо, Профессор, — сказала она коротко, протягивая конверт. — Принесли с утренней почтой. Обратный адрес — музей.

— Благодарю, Люсиль.

Ремингтон принял конверт и тут же заметил, что бумага плотная, дорогая, с водяными знаками в виде герба музея. Стилизованный дуб, под которым сидят барсук, бобр и филлин. Однако печать на конверте была сломана. Он нахмурился.

— Вы вскрывали письмо?

— Нет, — сказала Люсиль, и в её голосе прозвучала лёгкая обида. — Оно пришло в таком виде. Я сразу заметила.

Ремингтон повертел конверт в лапах, поднёс к свету. Печать была взломана небрежно, словно кто-то торопился и не имел под рукой специального ножа. Края бумаги слегка растрепались. Вскрывали когтями, а не лезвием. Когти были острые, длинные. Не маленькие, не мышьиные или крысиные. Скорее, птичьи.

— Кто-то уже читал это письмо до меня, — сказал он спокойно, вскрывая конверт уже своим ножом из слоновой кости. — Интересно.

Внутри лежал лист гербовой бумаги, исписанный нервным, летящим почерком с множеством клякс. Филины, как известно, любят писать размашисто, но не всегда аккуратно, особенно когда волнуются. А судя по тому, что некоторые буквы были нацарапаны так глубоко, что процарапали бумагу, директор музея волновался чрезвычайно.

Ремингтон пробежал глазами текст:

«Многоуважаемый мистер Тьюз!

Обращаясь к Вам с величайшим почтением и, осмелюсь сказать, отчаянием. Прошу прощения за столь раннее беспокойство, но обстоятельства вынуждают меня нарушить все правила приличия.

Вчера вечером, при загадочных обстоятельствах, из нашего музея был похищен бесценный артефакт — Золотой компас лорда-основателя. Полиция, как это обычно бывает, оказалась совершенно беспомощна. Они топчутся на месте, перекладывают бумажки и говорят

о «призраках». Я, будучи филином науки, в призраков не верю, но и рационального объяснения у меня нет.

Я наслышан о Вашем Агентстве и о Вашем уникальном методе расследования. Говорят, Вы видите то, что другие не замечают. Я готов заплатить любую цену, если Вы вернёте мне компас до бала в честь основания города, который состоится через десять дней. Если компас не будет найден к тому сроку, музей потеряет финансирование, я потеряю должность, а город потеряет частицу своей истории.

Умоляю Вас, мистер Тьюз, придите сегодня в музей. Я буду ждать Вас в любое время, вплоть до полуночи. Я дам Вам полный доступ ко всем помещениям, ко всем документам, ко всем свидетелям. Я не могу больше доверять полиции. Только Вы, только Ваше Агентство.

С глубочайшим уважением,

Альдвин Кроп, директор Исторического музея имени первого градоначальника.»

Ремингтон дважды перечитал письмо, затем аккуратно сложил его и положил на стол. Пенсне снова поправил. Привычка, которая означала, что он начал прокручивать в голове логические цепочки.

— Что скажете, Профессор? — спросила Люсиль, стоя в дверях.

— Скажу, что директор Кроп очень нервничает. И не только из-за кражи. Он пишет слишком поспешно, допускает грамматические ошибки. Филины редко ошибаются в грамматике, они педантичны. Значит, его трясёт. В прямом смысле. Посмотрите на кляксы, — он показал письмо Люсиль. — Третья строка, слово «обстоятельства». В середине буква «я» провала бумагу. В седьмой строке, слово «призраки» — брызги чернил в стороны. Он не просто взволнован, он в панике.

— Паникуют те, кто что-то скрывает, — заметила Люсиль.

— Или те, кто боится за свою жизнь, — поправил её Ремингтон. — Или и то, и другое. Мы это выясним. Приготовьте экипаж. И скажите Вивиан, чтобы она приготовила свой лучший костюм. Сегодня мы наносим визит в музей.

Через пятнадцать минут экипаж уже ждал у входа на Бейкер-стрит. Старенький, но надёжный, запряжённый парой пони, которых Ремингтон лично выбрал за их спокойный нрав и умение не шарахаться от паровозов. На улице моросил мелкий дождь, и туман затягивал небо плотной вуалью. Люсиль, как всегда, сидела молча, глядя в окно. Ремингтон, откинувшись на сиденье, размышлял.

Он знал Исторический музей, бывал там несколько раз, когда читал лекции по логике для студентов университета. Величественное здание в неогреческом стиле с колоннадой из серого гранита, высокими окнами и массивными дубовыми дверями. Внутри вечный запах пыли и лака. Там хранились сокровища, не имеющие материальной ценности, но бесценные для истории. Старые карты, чертежи, личные вещи основателей. И компас.

Золотой компас. Ремингтон слышал о нём, но никогда не видел вживую. Легенда гласила, что компас был подарен первому градоначальнику королевой в знак признания заслуг. Он был сделан из чистого золота, инкрустирован рубинами, а внутри его, в механизме, было скрыто нечто большее. Как говорили старики, компас мог указать не только стороны света, но и нечто, что лежит «под землёй». Естественно, это были всего лишь сказки. Но если вор украл именно его, значит, он либо очень большой ценитель старины, либо ему нужна была не стоимость артефакта, а информация, которую он мог содержать.

— Информация, — прошептал Ремингтон, и Люсиль повернула голову.

— Что?

— Я думаю вслух, — ответил он. — Если бы я хотел украсть компас, я бы украл его ради денег. Но тогда я бы оставил следы взлома. Разбил бы стекло, сломал замок. А тут — тишина, целостность и чистота. Это не воровство ради выгоды. Это изъятие информации. Кому-то понадобилось то, что спрятано внутри компаса.

— Вы думаете, внутри что-то спрятано?

— Может быть, карта. Или код. Или письмо. Не знаю, — Ремингтон снял пенсне и протёр его платком. — Но я чувствую, что это не просто кража. Это часть чего-то большего.

Экипаж остановился у входа в музей. Ремингтон вышел, и сразу же почувствовал на себе холодный, сырой ветер с реки. Он расправил плечи, поправил жилет, взял трость и направился к массивным дверям. Люсиль бесшумно последовала за ним, растворившись в его тени.

Директор Кроп ждал их в вестибюле. Он был именно таким, каким Ремингтон его себе представлял. Высокий, тощий филин с огромными жёлтыми глазами и клочковатым оперением, которое выдавало хроническую усталость. Он стоял неподвижно, как изваяние, сжимая в лапах носовой платок, которым то и дело промокал лоб.

— Мистер Тьюз! — воскликнул он, когда Ремингтон ступил на мраморный пол вестибюля. — Вы пришли! Слава основателю! Я уже боялся, что вы проигнорируете моё письмо!

— Я всегда отвечаю на письма, которые пахнут отчаянием, — спокойно ответил Ремингтон, оглядывая вестибюль. — Покажите мне место кражи.

— Конечно, конечно! — директор засеменил вперёд, размахивая крыльями. — Прошу за мной. Я подготовил всё, как вы просили. Ничего не трогано, кроме того, что полиция уже успела наследить. Они, — он понизил голос, — они умудрились оставить свои отпечатки на полу, на витрине, и даже на дверях. Не мастера, а мебельщики!

Ремингтон улыбнулся про себя. Он бывал в местах, где полиция оставляла больше следов, чем сами преступники. Это было его любимой «фишкой», находить улики там, где их уже затоптали.

Они прошли через анфиладу залов, мимо мраморных статуй давно умерших животных, мимо застеклённых витрин с древними монетами и посудой, мимо картин, изображающих идиллические пейзажи Стальбурга до промышленной революции. Наконец, они остановились перед центральным залом, где когда-то стоял Золотой компас.

Зал был грандиозен. Сводчатый потолок поддерживали колонны из искусственного мрамора, между которыми висели огромные люстры с газовыми рожками. В центре, на возвышении, стояла пустая витрина. Она была массивной, дубовой, с бронзовыми накладками, и внутри её, на бархатной подушке, лежала вмятина — там, где ещё вчера покоился компас.

Ремингтон остановился у входа в зал и не сделал ни шага внутрь. Он просто стоял и смотрел. Смотрел так, как учил своих студентов. Не на витрину, а вокруг неё. На пол. На стены. На пыль, осевшую на поверхностях. На свет, падающий из высоких окон.

— Профессор? — неуверенно спросил директор. — Вы войдёте?

— Да, — Ремингтон поправил пенсне. — Сначала я смотрю снаружи, потом захожу. Так я не заслоняю собой детали, которые увидят все остальные.

Он медленно обвёл взглядом пол. Мраморные плиты были тёмными, но на них виднелись следы. Множество следов, оставленных служителями музея и сотрудниками полиции. Но он искал не следы, а аномалию. Что-то, что выбивалось из общей картины.

И он это увидел.

У самого входа, там, где его лапам предстояло ступить, лежал тонкий белый след. Не отпечаток, а именно полоса. словно кто-то намочил лапы и прошёлся по чистому полу, оставляя мутную дорожку. След был узкий, не больше трёх дюймов шириной, и вёл прямо к витрине. Но не по центру, а слегка вбок, огибая колонну.

— Директор, — Ремингтон указал тростью на этот след. — Что это?

Кроп наклонился, прищурился и пожал плечами.

— Я не знаю, — сказал он. — Это похоже на след от мокрой тряпки. Но уборщица вчера мыла полы днём, а после кражи я запретил убираться. Это оставил либо вор, либо полицейский.

— Полицейский не стал бы так аккуратно обходить колонну, — заметил Ремингтон. Он присел на корточки, не касаясь пола лапами, и внимательно изучил след. — Он слишком прямой. И слишком ровный. Как будто кто-то шёл, не меняя скорости и не оглядываясь. Знаете, кто оставляет такие следы?

— Кто?

— Тот, кто идеально знает путь. Кто бывал здесь много раз и не нуждается в том, чтобы смотреть под ноги.

Ремингтон протянул лапу и осторожно коснулся края следа. Пальцы его почувствовали влагу. Но влага была странной. Он поднёс лапу к носу и втянул воздух.

Запах был слабым, почти незаметным, но Ремингтон улавливал его. Известка, мел, вода, и ещё что-то. Что-то металлическое.

Он поднялся и вытер лапу платком.

— У вас в музее есть реставрационные мастерские?

— Да, конечно, — сказал Кроп. — Но они работают только днём. Ночью там никого нет.

— А кто имеет доступ к этим мастерским?

— Только Георг, наш таксидермист. И я. Но мы ночью не работаем.

Ремингтон ничего не ответил. Он сделал шаг вперёд, ступая точно рядом с белым следом, и медленно обошёл витрину по периметру. Он смотрел на неё со всех сторон, запоминая каждую мелочь. Как лежит пыль, как расположены предметы вокруг, как падает свет.

Пыль свежая, — подумал он. — Её не было вчера. Кто-то ходил здесь с мокрыми лапами? Или кто-то пришёл с улицы, намочив лапы в известковом растворе? Зачем?

Он сделал мысленную заметку.

Примечание Ремингтона:

«Пыль на полу у входа сбита не так, как сбивали бы её служители. Если бы человек шёл со мокрыми лапами, он бы оставил чёткие отпечатки. Здесь же — размытая полоса. Значит, он либо хромал, либо тащил что-то за собой. Что-то, что касалось пола.»

Ремингтон приблизился к витрине медленно, с той осторожностью, с какой опытный следопыт приближается к раненому зверю. Он знал, что торопливость убивает наблюдение, а наблюдение — это единственное оружие, которое действительно работает в мире, где все остальные предпочитают шум и суету.

Он остановился в двух шагах от витрины, не касаясь её, и просто смотрел. Долго. Так долго, что директор Кроп, стоявший за его спиной, издал беспокойный вздох и переступил с лапы на лапу.

— Мистер Тьюз? — осторожно спросил филин. — Вы что-то нашли?

— Пока нет, — ответил Ремингтон, не оборачиваясь. — Я смотрю. Это первая стадия. Смотреть, не думая. Позволить глазу впитать всё, не давая мозгу интерпретировать раньше времени. Интерпретация — это вторая стадия. И она должна быть чистой, не замутнённой первым впечатлением.

Он шагнул ближе и присел на корточки, оказавшись на одном уровне с замком витрины. Замок был массивным, старым, но явно модернизированным. Кто-то заменил классический механизм на более сложный, с несколькими ригелями, которые запирали не только дверцу, но и верхнюю и нижнюю части витрины. Такие замки ставили на сейфы в банках, а не на музейные экспонаты.

Ремингтон протянул лапу, но не прикоснулся к замку. Он просто держал её на расстоянии, чувствуя холод, исходящий от металла. И тут он заметил.

Вокруг скважины, там, где ключ входит в механизм, были едва заметные царапины. Настолько тонкие, что обычный посетитель никогда бы их не увидел. Но Ремингтон смотрел не глазами. Он смотрел опытом и знанием, что мир состоит из деталей, а детали — из ещё более мелких деталей.

— Директор, — позвал он. — Не будете ли вы так любезны подать мне мою лупу? Она в левом кармане моего жилета. И, если можно, ещё и перчатки.

Кроп неловко приблизился, протянул лапу к жилету Ремингтона, но тот ловко перехватил его запястье.

— Прошу прощения, — сказал Ремингтон. — Я забыл, что вы филин, а у вас когти, которые могут повредить инструмент. Если не трудно, принесите мне мою сумку. Она осталась в экипаже. В ней есть всё необходимое.

Кроп смешался, захлопал глазами, но послушно засеменил к выходу. Ремингтон остался один у витрины. Он подождал, пока шаги директора стихнут в коридоре, и только тогда позволил себе улыбнуться. Это была маленькая хитрость. Он отправил филина за сумкой не потому, что боялся повредить инструменты, а потому что хотел остаться наедине с уликой. Иногда присутствие клиента, особенно такого нервного, как Кроп, мешало сосредоточиться. Клиенты всегда ждали немедленного результата. А правда не любила спешки.

Ремингтон вытащил из кармана жилета миниатюрную лупу, которую носил всегда, и приложил её к глазам. Стекло было идеально чистым, оправка из полированной латуни лежала в лапе как влитая. Он склонился над замком и начал медленно, дюйм за дюймом, изучать царапины.

Они были странными. Они были почти не видны глазу, как паутина на запотевшем стекле. Но при увеличении они превращались в чёткую картину.

Царапины были аккуратными, параллельными. Они шли не хаотично, как оставляют отмычки. Нет, они были чёткими, словно их оставил инструмент, который идеально подходил к замку. И, что самое важное, они были покрыты микроскопическими частицами бронзового цвета.

Ремингтон поднёс лупу ещё ближе, почти касаясь стеклом замка. Частицы блестели, переливаясь в свете лампы, словно драгоценная пыль. Он понюхал их. Запах был маслянистым, металлическим, сладковатым, как старая бронза, смешанная с воском. Это не было похоже на обычную смазку для замков, которую использовали в музеях. Там обычно применяли графитовую пыль или машинное масло. Здесь же было нечто иное.

Ремингтон присмотрелся внимательнее. Частицы были очень мелкими, но он мог различить их форму. Небольшие округлые чешуйки, словно от металлических опилок. Явно от бронзы. И они были смешаны с каким-то густым веществом, которое не высыхало, не застывало, а оставалось эластичным, почти живым.

— Интересно, — прошептал он. — Очень интересно.

Он пошарил в кармане и нашёл крошечный конверт, который всегда носил с собой для образцов. Осторожно, кончиком пинцета, он снял несколько частичек с замка и поместил их внутрь. Затем он запечатал конверт, пометил карандашом: «Витрина, замок, царапины», и убрал в тот же карман.

И тут он заметил ещё кое-что, что на первый взгляд казалось незначительным, но при более детальном рассмотрении вызывало вопросы. На той части замка, где ключ касается механизма, был едва различимый след — как будто кто-то вставлял ключ слишком много раз, да ещё и с усилием. Металл был слегка затёрт, словно по нему прошлись абразивом.

Но затирание было не по всей поверхности, а только на двух участках: сверху и снизу от скважины. Как если бы кто-то использовал ключ с неправильным профилем, но очень близким к оригинальному, и проталкивал его, проворачивая в разные стороны.

Ремингтон выпрямился, положил лупу обратно в карман и задумался.

Замок не взломан, — подумал он. — Но вокруг замочной скважины есть царапины, которых не могло быть от обычного использования. Они слишком свежие. И смазка Смазка не стандартная. Кто-то смазал замок перед тем, как открыть его. Не взламывал, а именно открывал. Но делал это не ключом, а инструментом, который был похож на ключ, но не идеально подходил. Специалист. Опытный и знающий.

Он сделал шаг в сторону и начал обходить витрину по периметру. Стекло было чистым. На нём не было отпечатков лап, только пыль, осевшая естественным образом. Бархатная подушка внутри, на которой лежал компас, была нетронутой, если не считать вмятины в форме артефакта. Никаких следов борьбы. Никаких следов крови, перьев, когтей. Ничего.

Только замок. Только эти странные царапины и бронзовая смазка.

Ремингтон остановился у задней стенки витрины и присмотрелся к месту, где дубовые доски крепились к полу. Тут он заметил ещё одну деталь, которая выбивалась из общей картины.

Одна из досок, образующих основание витрины, была слегка приподнята — буквально на толщину спички. Невооружённым глазом этого было не увидеть, но Ремингтон, который специально оценивал всё с высоты своего роста, заметил, что тень от этой доски падает чуть иначе, чем от остальных.

Он снова присел и провёл лапой по стыку. Доска не была прибита — она лежала свободно, словно её кто-то поднимал и ставил обратно. И под ней, в зазоре, он увидел ещё одну частицу бронзовой смазки.

Значит, вор не только открывал замок, — подумал Ремингтон. — Он знал, что эта доска снимается. Что под ней есть ход. Или, по крайней мере, он проверял это.

Он встал и отошёл от витрины на шаг, чтобы увидеть всю картину целиком. Пустая витрина, запёртая, но открытая неправильным ключом. Подвижная доска в основании. Белый след на полу. И тишина.

— Профессор! — раздался голос Кропа, который уже возвращался с сумкой в лапах. — Я принёс всё, что вы просили! И даже больше, я захватил план музея, вдруг он пригодится!

— Благодарю, — Ремингтон принял сумку и аккуратно положил её на пол. — Скажите, директор, у вас есть ключи от всех витрин?

— Конечно, — ответил Кроп. — Мы храним их в сейфе, в моём кабинете. Доступ есть только у меня и у смотрителя.

— А Георг?

— Георг? — Кроп удивлённо заморгал. — Но зачем ему ключи? Он работает с чучелами, а не с экспонатами. Ему не нужны ключи.

— Тем не менее, — сказал Ремингтон, — он работает в музее. И у него есть доступ к мастерским, где хранится инструмент. Он может сделать слепок или имитацию ключа, не зная, что вы храните его в сейфе.

Кроп побледнел. Его оперение на голове встало дыбом, что придало ему сходство с расчёпанной подушкой.

— Вы думаете, что Георг — прошептал он. — Но он такой тихий! Такой скромный! Он даже голоса не повышает!

— Именно тихие и скромные часто оказываются самыми опасными, — сказал Ремингтон. — Но я не делаю выводов. Я лишь собираю факты. И факт в том, что замок этой витрины открывали не ключом, а инструментом, который очень близок к ключу, но оставляет царапины. И на этом инструменте была специальная смазка — бронзовая, для тонких механизмов. Такая смазка обычно используется в часовом деле или в изготовлении сложных приборов. У Георга есть доступ к таким веществам?

Кроп задумался.

— Он он недавно реставрировал старые часы для нашей коллекции, — сказал он. — Он просил специальную смазку. Я дал ему разрешение на заказ.

— И этот заказ был сделан? — спросил Ремингтон.

— Да. Через нашу бухгалтерию. Но я не знаю, где он хранит смазку.

Ремингтон кивнул.

— Это уже кое-что, — сказал он. — И ещё один вопрос. Скажите, у вас в музее есть часовые механизмы? Не просто часы, а именно сложные механизмы, которые требуют специального ухода?

— Есть! — с готовностью ответил Кроп. — В подвале хранятся старые астрономические приборы, которые не экспонируются. Там же — механический глобус XVIII века. Но они давно не работают, и никто их не трогает.

— А доступ к подвалу есть у Георга?

Кроп задумался и, похоже, не нашёл, что возразить.

— У него есть ключи, — выдал он. — Он убирается в мастерских, и у него есть доступ ко всему зданию. Но я не думаю, что он мог что-то скрывать от меня

— Директор, — спокойно сказал Ремингтон, — вы бы удивились, сколько люди скрывают друг от друга, живя в одном здании. Особенно те, кто считает себя незаметным.

Он снова повернулся к витрине и ещё раз внимательно осмотрел замок, на этот раз с большим увеличением. В сумке у него была более мощная лупа и даже миниатюрный микроскоп, который он прикреплял к глазу.

Частицы смазки, которые он видел ранее, при большем увеличении оказались ещё более интересными. Это была не просто бронза. Это был особый сплав, который использовался в самых дорогих часовых механизмах швейцарского производства. В Стальбурге такой сплав можно было найти только в нескольких мастерских, и все они были хорошо известны.

Ремингтон сделал пометку в блокноте: «Проверить все часовые мастерские города, особенно те, что работают с импортными механизмами».

Он выпрямился, убрал инструменты и посмотрел на директора.

— Я хочу проверить подвал, — сказал он.

Кроп дрогнул.

— Подвал это очень грязно, — сказал он. — Там сыро, темно и пахнет плесенью. Может, лучше вы осмотрите другие залы? У нас есть прекрасная коллекция

— Подвал, — повторил Ремингтон.

Филин обречённо вздохнул и развернулся, показывая дорогу.

Ремингтон последовал за ним, но перед тем, как покинуть зал, он на мгновение задержался у входа и обернулся. Пустая витрина, залитая тусклым светом, выглядела, как раскрытый зев сейфа, который проглотил своё содержимое. И в этом зеве, казалось, пряталась некая насмешка.

Витрина закрыта, — подумал Ремингтон. — Вор не оставил следов, кроме замка. Но замок говорит мне, что он был здесь. Он пришёл с инструментом. Он пришёл со смазкой. Он знал, что делает. Он был спокоен. Он не торопился. И он, возможно, знал больше, чем должен был знать.

Он вышел из зала и догнал директора в коридоре.

— Директор, — сказал он негромко, — у вас в музее есть мастер-ключ?

Кроп замер на полпути.

— Мастер-ключ? — переспросил он. — Нет. У нас есть только ключи от конкретных помещений. Мастер-ключа, который открывает всё, не существует.

— Значит, вор не мог иметь мастер-ключа, — сказал Ремингтон. — Но он мог иметь слепок или доступ к чужому ключу. Или он знал, какой ключ нужен, и заказал его копию. Георг — крот, ему не составило бы труда сделать слепок, если бы он тайком снял размеры с замка.

— А как он мог снять размеры, не оставив следов? — спросил Кроп.

— Он оставил следы, — ответил Ремингтон, поправляя пенсне. — Он оставил царапины. И он оставил смазку. Но он оставил их так, что вы, не зная, куда смотреть, никогда бы их не заметили. А я их заметил. Потому что я ищу то, что скрыто.

Они пошли дальше вниз по лестнице, в подвал. И Ремингтон знал, что там, внизу, он найдёт ещё что-то, что приблизит его к разгадке. Или, по крайней мере, к следующей загадке.

Примечание Ремингтона:

«Бронзовая смазка для часовых механизмов — это не просто смазка. Это ключ. Буквально. Вор использовал специализированный инструмент, который оставляет микроскопические частицы сплава. Я никогда не видел таких частиц на замках, кроме тех, что стоят на сейфах с особо ценными документами. Значит, вор либо имел доступ к ювелирным или часовым мастерским, либо сам работал в них. Георг — крот — таксидермист. Но он мог иметь доступ к таким мастерским через старые связи. В любом случае, это уже что-то.»

И он шагнул в темноту, которая ждала его внизу.

Воздух в подвале был густым, тяжёлым, словно его не проветривали десятилетиями. Пахло плесенью, старым камнем, мокрой штукатуркой и остатками химикатов из давно забытых лабораторий. Лестница была крутой, ступени скользкими от влаги, и Ремингтон то и дело ловил себя на том, что инстинктивно хватается за перила, хотя они были покрыты слоем патины и казались ненадёжными.

Директор Кроп спускался первым, тяжело дыша и то и дело оступаясь. Его филинское зрение, столь острое в темноте, здесь, похоже, мало помогало. Слишком много было препятствий, слишком много теней, которые двигались непредсказуемо. Он то и дело взмахивал крыльями, чтобы сохранить равновесие, и выглядел при этом как огромная, неуклюжая ночная бабочка, залетевшая в погреб.

— Здесь никто не бывает, — говорил он, не оборачиваясь. — Только иногда приходят реставраторы, чтобы проверить старые приборы. Но в основном это место забыто. Мы храним здесь то, что не помещается наверху.

Ремингтон не отвечал. Он шёл медленно, изучая стены, которые были сложены из грубого серого камня, кое-где покрытого зелёным налётом мха. На некоторых участках каменная кладка выглядела старой, почти античной, а на других более новой, с более аккуратными швами. Он заметил это, сделал мысленную заметку, но не остановился.

Внизу, в самом сердце подвала, было темно, и только редкие газовые рожки, висящие на стенах, отбрасывали слабый, дрожащий свет. Тени плясали на сводчатом потолке, создавая иллюзию движения там, где никакого движения быть не могло.

Ремингтон остановился в центре подвала и огляделся. Комната была прямоугольной, с низким потолком, под которым угадывались старые трубы и вентиляционные ходы. Вдоль стен стояли массивные дубовые стеллажи, заставленные ящиками и коробками. На некоторых из них красовались даты: «1870», «1865», «1849». На других надписи, сделанные от руки, но уже поблёкшие от времени: «Чертежи водостоков», «Планы мостов», «Старые карты».

Старые карты.

Ремингтон подошёл к стеллажу с этой надписью. Коробки, которые лежали на нижней полке, были пыльными, но на некоторых из них он заметил следы от лап. Свежие следы. Кто-то недавно рылся в этом стеллаже.

— У вас есть доступ к этим документам? — спросил он, указывая на коробки.

Кроп подошёл ближе, прищурился.

— Не у меня, — ответил он. — Эти документы числятся в архиве, но мы не работали с ними много лет. Последний раз их заказывал — он замолчал, нахмурившись. — Кажется, Георг. Он говорил, что изучает старые методы таксидермии для какой-то реставрации. Но таксидермия и старые карты — вряд ли они как-то связаны.

Ремингтон открыл одну из коробок. Внутри лежали свёрнутые в рулоны чертежи, пожелтевшие от времени, с ломкими краями. Он осторожно развернул один из них и при свете газового рожка увидел сложную схему. Что-то, напоминающее систему водоотводов и дренажных каналов, пронизывающих всё основание города. Схема была помечена пометками на старом языке, почти нечитаемыми, но на одном из углов кто-то недавно, явно не профессионально, приписал карандашом: «Вход через музей».

— Кто сделал эту пометку? — спросил Ремингтон, показывая чертёж директору.

Кроп посмотрел, покрутил головой.

— Я не знаю, — сказал он. — Это не мой почерк. И не Георга, насколько я могу судить. У Георга почерк мелкий, аккуратный, а это это какое-то нацарапанное, небрежное.

Ремингтон аккуратно свернул чертёж.

— Я возьму это с собой, — сказал он. — Для изучения.

— Но это же собственность музея! — запротестовал Кроп.

— Которую кто-то использовал, возможно, для кражи, — спокойно ответил Ремингтон. — Я верну его, как только мы разберёмся в этом деле. И, поверьте, я сделаю это аккуратно.

Кроп не нашёл, что возразить. Ремингтон огляделся ещё раз и вдруг понял, что пол подвала тоже был покрыт тем же белым следом, который он заметил наверху. Только здесь он был более размытым, словно кто-то ходил по нему много раз, входя и выходя. След вёл к дальней стене, где стоял старый сейф, весь покрытый ржавчиной и паутиной.

— Что там? — спросил Ремингтон.

— Старый сейф, — ответил Кроп. — Мы никогда не открывали его. Он был здесь ещё до моего назначения. Говорят, там хранятся какие-то старые бумаги, но ключ потерян, и никому нет до этого дела.

Ремингтон подошёл к сейфу и провёл ладонью по его поверхности. Она была холодной, шершавой, с острыми краями ржавчины. Но когда он наклонился, чтобы рассмотреть место, где должна была быть замочная скважина, он увидел, что её нет. Сейф был заперт не на ключ, а на какую-то сложную систему, которая не имела видимого замка. Возможно, он открывался поворотом ручки или какой-то комбинацией.

Он не стал тратить время на сейф, это было не главное. Вместо этого он развернулся и начал подниматься обратно вверх. Кроп следовал за ним, всё более обеспокоенный.

Когда они вернулись в зал, где находилась пустая витрина, Ремингтон остановился на пороге и стал осматривать пространство, которое он до этого не успел изучить.

Зал был большим, квадратным, и в нём царил беспорядок. Настоящий, тяжёлый, осмысленный беспорядок. Статуи, несколько бронзовых изваяний с табличками, посвящённых основателям города, были сдвинуты с мест. Некоторые стояли под странными углами, словно их пододвинули к стене. Одна из статуй, изображающая бобра с циркулем, была повернута на девяносто градусов и теперь смотрела не на вход, а на витрину. Вторая, лось с книгой, была придвинута ближе к колонне, хотя обычно стояла в центре зала.

Это нельзя было назвать случайным. Ремингтон сразу понял, что статуи сдвигали с определённой целью. Но какой?

Он прошёл вдоль стены и заметил, что некоторые книги, которые раньше лежали на полках, теперь были разбросаны по полу. Это были в основном старые фолианты, переплётённые в кожу, с золотым тиснением на корешках. Некоторые были открыты, другие лежали лицом вниз, словно их небрежно бросили. Ремингтон нахмурился. Если бы вор искал что-то ценное,

он бы не трогал книги. Книги — это слишком очевидно, слишком шумно. Но если он искал информацию, книги могли стать идеальным прикрытием.

Он присел на корточки и начал осматривать пол. Мраморные плиты были тёмно-серыми, с прожилками белого и золотого, и на них, среди беспорядочных следов, которые оставили и полицейские, и служители, он заметил кое-что необычное.

Чистые участки. Небольшие, но очень чёткие участки пола, на которых пыли было заметно меньше, чем на остальной поверхности. словно кто-то аккуратно, почти ритуально, расчищал путь от двери к витрине. Прямоугольник чистоты, который начинался у входа и заканчивался у пустой витрины.

— Вы видите это? — спросил Ремингтон, указывая на пол.

— Пыль? — переспросил Кроп, наклоняясь. — Да, пыли много. Я скажу уборщице

— Нет, — перебил его Ремингтон. — Посмотрите внимательнее. Здесь пыль есть, а здесь — нет. Кто-то расчищал путь. Специально. Это не случайность.

Кроп наклонился ниже, почти касаясь клювом пола, и его глаза округлились.

— Вы правы, — сказал он. — Но зачем? Зачем вору расчищать путь?

— Затем, чтобы не оставлять следов, — ответил Ремингтон. — Или, наоборот, чтобы их оставить. Чтобы мы думали, что он идёт по одному маршруту, а на самом деле — по другому.

Он выпрямился и подошёл к одной из сдвинутых статуй. Это была бронзовая фигура лоса, одного из основателей города. Статуя стояла на массивном постаменте, и Ремингтон с трудом мог представить, как кто-то смог сдвинуть её в одиночку. Но следы на полу говорили, что статую действительно передвигали.

— Это не мог сделать один человек, — сказал он. — Для этого нужны как минимум двое. Или специальное оборудование.

— Но у нас нет такого оборудования, — сказал Кроп.

— Значит, его принесли, — ответил Ремингтон.

Он отошёл от статуи и вернулся к разбросанным книгам. Они лежали в беспорядке, но Ремингтон заметил, что одна из них лежит не так, как остальные. Она была открыта, лицом вверх, и на ней не было пыли, в отличие от остальных.

Он поднял её. Это был старый фолиант, переплётённый в тёмно-коричневую кожу, с застёжками из потускневшей бронзы. На обложке золотом было вытиснено: «Стальбург. Карты и планы. 1740–1820». Ремингтон открыл его на той странице, на которой книга была развёрнута, и увидел старую гравюру, изображающую центр города, где сейчас стоял музей. Но гравюра была странной. Она показывала не только наземные строения, но и разрез подземных коммуникаций. Туннели, каналы и дренажные системы. Схема была детальной, почти хирургической.

И на ней, рядом с изображением музея, была пометка. Нарисованная от руки, тонкой линией, почти незаметной, но очень чёткой. Пометка изображала маленькую дверь. В том месте, где сейчас, по плану музея, находился подвал.

Ремингтон провёл пальцем по рисунку. И тут он заметил закладку, которая выпала из книги, когда он её поднял. Это был кусочек пергамента, желтоватый, с неровными краями, словно его вырезали из чего-то большего. На нём был набросок. Торопливый, карандашный, но очень выразительный. Набросок изображал коридор, ведущий вниз, с какой-то разветвлённой системой ходов. В конце коридора был нарисован крест, как на старых картах, где пираты отмечали место клад.

— Что это? — спросил Кроп, заглядывая через плечо Ремингтона.

— Это — Ремингтон на мгновение замолчал, рассматривая набросок. — Это похоже на схему подземного хода. И он начинается здесь, в этом здании.

Кроп побледнел ещё больше, если это было возможно.

— Но у нас нет подземного хода, — сказал он. — Мы проводили инспекцию несколько лет назад. Там только старые водостоки и трубы.

— Возможно, вы не знали, куда смотреть, — ответил Ремингтон, аккуратно вкладывая закладку между страницами книги. — Я возьму эту книгу с собой.

Он поднялся и оглядел зал ещё раз. Беспорядок, статуи, книги, чистые участки на полу — всё это складывалось в картину, которая пока не имела для него смысла. Но Ремингтон знал, что смысл приходит не сразу. Иногда нужно просто дать деталям созреть в голове, как хорошему вину.

Он уже собирался уходить, когда услышал шёпот за дверью. Два голоса, тихие, но отчётливые в пустом коридоре музея. Ремингтон сделал знак Кропу, чтобы тот молчал, и сделал шаг к двери, не выходя из зала.

— Видел я вчера Крота, — говорил один голос, старческий, сиплый. — Он из музея после полуночи выходил. И пальто новое, дорогое.

— Да брось, — отвечал второй, молодой. — Крот? Ты его перепутал с кем-то.

— Никого я не перепутал! — обиделся первый. — Я его знаю, я с ним двадцать лет бок о бок работаю. Он, конечно, тихий, но я его походку узнаю из тысячи. Он шёл, оглядываясь, и пальто на нём было. Сукно, тёмно-серое, с ворсом, как у тех, кто в Гленморе живёт. Откуда у Крота такое пальто? У него зарплата двенадцать пенсов в неделю!

— Может, выиграл в карты?

— В карты он не играет. Он весь день в мастерской сидит, с чучелами. Какие карты? Нет, тут что-то нечисто. Я говорил инспектору, а он только махнул лапой. «Нет, — говорит, — кроты — народ тихий, они не воруют». А я тебе скажу: самые тихие и есть самые опасные. Они как вода — подточат, и ты не заметишь.

— А ты уверен, что это был Крот? Может, он просто домой шёл?

— В полночь? Из музея? Домой? — голос стал ещё тише. — Иди сюда, я тебе скажу. Он не домой шёл. Он пошёл к Риверсайду. Я проследил. Он шёл по Гленморской набережной, потом свернул на Доковую. А там, сам знаешь, кто живёт.

— Там Синдикат, — с уважением сказал второй голос.

— Вот именно. Так что не говори мне, что я ошибся.

Ремингтон стоял неподвижно, слушая. Затем, когда шаги стихли, он повернулся к Кропу.

— Вы это слышали? — спросил он.

— Да, — прошептал филин. — Это наши сторожа. Они часто болтают, но я никогда не придавал этому значения.

— А стоило бы, — сказал Ремингтон. — Потому что ваш Крот, похоже, ведёт двойную жизнь. И новый костюм — это уже само по себе улика. Особенно если его зарплата — двенадцать пенсов в неделю.

Ремингтон вышел из зала и направился в сторону мастерской Георга. Впереди его ждал разговор, который мог либо подтвердить, либо опровергнуть всё, что он только что услышал.

Примечание Ремингтона:

«Беспорядок в зале — это не следствие кражи. Это следствие поиска. Кто-то искал что-то, что спрятано в этом зале. Он передвигал статуи, разбрасывал книги, расчищал путь. Он не вор, он исследователь. И его цель не компас, а информация, которую компас может дать. Закладка с наброском подземного хода — это ключ. Но ключ к чему?»

Штаб-квартира Агентства Полосатых Маскеров располагалась в скромном таунхаусе на Бейкер-стрит, 221В, в самом сердце Мидтауна. Снаружи это здание ничем не отличалось от соседних. Такая же серая кирпичная кладка, такие же закопчённые окна, такая же скромная

вывеска с едва заметной надписью: «Агентство. Вход с боковой двери». Но внутри, за этими неприметными стенами, скрывался целый мир. Мир карт, досье, химических реактивов и бесконечных логических построений, который существовал по своим законам.

Ремингтон вошёл в приёмную и остановился, стяхивая с жилета капли дождя. Туман, который с утра обволакивал город, теперь превратился в мелкую морось, и даже короткая прогулка от экипажа до двери оставила на его мехе влажные следы. Он снял пенсне, протёр его платком и только тогда поднял глаза.

В приёмной было тихо. Люсиль уже сидела в своём любимом кресле у окна, откуда открывался лучший обзор на улицу, и где она могла бесшумно наблюдать за прохожими, оставаясь для них почти невидимой. Она молчала, но Ремингтон знал, она ждала его отчёта, как и все остальные.

Барнаби стоял у лабораторного стола, что находился за застеклённой дверью в соседней комнате. Он уже успел снять свой лабораторный халат и теперь стоял в жилете с множеством карманов, один из которых вечно оттопыривался из-за лупы, а другой — из-за пробирки с непонятной жидкостью. Он что-то нюхал, принюхивался, морщил нос, и его усы подрагивали от напряжения.

Беатрис, как всегда, стояла у камина, опираясь на свою трость. Её поза была расслабленной, но Ремингтон знал, что в любой момент она может стать жёсткой и собранной, как стальная пружина. На её морде не было ни тени улыбки, только профессиональное спокойствие ветерана, который видел слишком много, чтобы удивляться чему-то новому.

Вивиян сидела на краю письменного стола Ремингтона, свесив лапы вниз и покачивая ими. Она выглядела почти беззаботной, но в её глазах, блестящих в свете газовых рожков, пряталась та острая наблюдательность, которая делала её лучшей мастерицей перевоплощений в Стальбурге. На ней было простое, но элегантное платье, и в руке она держала шляпку с вуалью, будто только что вернулась с прогулки, а не сидела здесь с утра, ожидая новостей.

— Ну что, Профессор? — спросила она с лёгкой улыбкой, когда Ремингтон переступил порог. — Наш музейный филин был таким же нервным, как в своём письме? Или даже нервнее?

— Он был в панике, — ответил Ремингтон, снимая промокший плащ и вешая его на вешалку. — И это не было притворством. Я видел много напуганных клиентов, Вивиян. Но этот... этот был не просто испуган. Он был на грани.

— На грани чего? — спросила Беатрис, не меняя позы.

— На грани того, чтобы сбежать, — сказал Ремингтон. — Он не просто боялся за компас. Он боялся за свою жизнь. Я видел это в его глазах, в том, как он дрожал, в том, как он сжимал свой платок. Он знает больше, чем говорит.

Он подошёл к своему столу, сел в кресло и вытащил из кармана несколько предметов. Лупу, конверт с образцами, книгу со старой картой и пергаментную закладку с наброском подземного хода. Он разложил их на столе, выстроив в аккуратный ряд, как фигуры на шахматной доске.

— Я нашёл кое-что, — сказал он. — И это кое-что меняет всё.

Он начал рассказывать. Голос его был спокойным, ровным, без лишних эмоций. Он говорил как преподаватель, читающий лекцию. Чётко, ясно, с паузами в нужных местах. Он описывал витрину, белый след, царапины на замке, смазку, книгу о старых картах, закладку с наброском подземного хода и странный беспорядок в зале, где статуи были сдвинуты, а книги разбросаны, но не случайно.

Он говорил о том, как сторож видел Георга, таксидермиста-крота, который ночью покинул музей в новом дорогом пальто, хотя его зарплата была не выше двенадцати пенсов в неделю. И о том, как тот же Георг имел доступ к подвалу и к старым чертежам, которые хранились там десятилетиями.

Команда слушала молча. Только Барнаби иногда кивал, когда речь заходила о запахах и химических составах. Люсиль не двигалась, но её глаза следили за каждым движением Ремингтона. Беатрис стояла неподвижно, как статуя. Вивиан перестала качать лапами и наклонилась вперёд, слушая с напряжённым вниманием.

Когда Ремингтон закончил, в комнате повисла тишина. Слышно было, как за окном стучат капли дождя и где-то вдалеке гудит паровоз. Барнаби подошёл к столу, взял конверт с образцами и понюхал его.

— Бронзовая смазка, — сказал он, прикрыв глаза. — Специальный сплав, используется в часовых механизмах высокого класса. Я встречал такой только в мастерских, которые работают с импортными приборами. В Стальбурге таких мастерских... три, может быть, четыре. Все они находятся в Гленморе, и все они дорогие.

— Значит, наш вор либо работает в одной из таких мастерских, — сказал Ремингтон, — либо имеет туда доступ. Или, по крайней мере, имеет связи с теми, кто там работает.

— Георг — крот, — заметила Люсиль, и её голос прозвучал почти неслышно. — Он живёт в подвале музея. У него есть доступ к инструментам. Он мог сделать слепок ключа, не выходя из здания.

— Именно, — сказал Ремингтон. — Но это ещё не всё.

Он вытащил из стола чистый лист бумаги и начал рисовать на нём схему.

— Посмотрите сюда, — он обвёл кругом центр рисунка. — Это музей. Здесь, — он указал на точку под зданием, — есть подземный ход. Я не знаю, куда он ведёт, но набросок на пергаменте указывает на то, что он существует. И он начинается прямо из подвала, где хранятся старые астрономические приборы.

— И что там? — спросила Беатрис, подходя ближе.

— Я не знаю, — честно ответил Ремингтон. — Но я знаю, что Георг рылся в старых коробках с чертежами. Он искал что-то. Что-то, что не должно было быть найдено. А когда он нашёл это, он понял, что для доступа к этому нужно нечто большее, чем просто план. Ему нужен был компас.

— Компас? — переспросила Вивиан. — Но это же просто компас. Он показывает стороны света.

— Нет, — сказал Ремингтон, качая головой. — Это не просто компас. Это Золотой компас лорда-основателя. Легенда гласит, что в нём спрятана не просто карта, а ключ к чему-то, что лежит под городом.

Беатрис нахмурилась.

— И вы думаете, что Георг украл его, чтобы получить доступ к этому?

— Я думаю, — ответил Ремингтон, — что Георг был нанят кем-то, кто знает о компасе больше, чем мы. Кто-то, кто хочет получить доступ к подземельям. Но сам Георг — лишь пешка. Он не действовал бы в одиночку. Он слишком неуклюж, слишком замечен. Его бы поймали на первом же допросе.

— Но его не поймали, — заметила Люсиль.

— Потому что полиция, как обычно, не видит дальше своего носа, — сказал Ремингтон. — Они смотрят на пустую витрину и видят только кражу. Они не видят беспорядка в зале. Они не видят книг, разбросанных не случайно. Они не видят смазки на замке. Они видят только то, что лежит на поверхности. А это, — он постучал пальцем по наброску, — лежит глубже.

Он замолчал и поднял глаза на команду.

— У меня есть версия, — сказал он. — И она состоит в том, что кража компаса — это не конец, а начало. Кто-то хочет найти то, что спрятано под городом. И компас — лишь первый шаг. Пока мы стоим здесь, в тепле и сухости, кто-то уже изучает то, что мы даже не знаем.

— И что вы предлагаете? — спросила Беатрис.

— Я предлагаю не сидеть сложа лапы, — сказал Ремингтон. — Я предлагаю действовать. Сначала мы должны убедиться, что наша версия верна. Для этого нам нужно собрать больше доказательств. И для этого...

Он повернулся к Вивиан.

— ...мне нужна ваша помощь.

Вивиан улыбнулась.

— Я так и знала, — сказала она. — Вы хотите, чтобы я внедрилась в музей?

— Именно, — сказал Ремингтон. — Мы должны следить за Георгом, за директором, за всеми, кто имеет доступ к подвалу. Но мы не можем сделать это открыто. Нам нужно, чтобы кто-то был внутри. Кто-то, кто сможет двигаться незаметно, слушать, смотреть и запоминать.

— Уборщица? — спросила Вивиан, и в её голосе послышался азарт.

— Уборщица, — подтвердил Ремингтон. — Это лучший способ быть везде и нигде одновременно. Горничные и уборщицы, они невидимы для хозяев. Они видят всё, но никто не обращает на них внимания. Вы сможете войти в любую комнату, подслушать любой разговор, увидеть любую улику, не вызвав подозрений.

— Когда приступить? — спросила Вивиан.

— Завтра утром, — сказал Ремингтон. — Я скажу директору, что Агентство проводит собственное расследование и что нам нужен человек внутри. Он согласится. Он слишком напуган, чтобы отказать.

Он посмотрел на Люсиль.

— А вы, Люсиль, будете работать снаружи. Ночью. Мы не знаем, когда Георг снова выйдет из музея. Мы должны проследить за ним, когда он покинет здание. Узнать, куда он идёт, с кем встречается, что делает.

— Он выходит после полуночи, — сказала Люсиль. — Сторож сказал, что он выходил примерно в час ночи. Значит, он будет делать это снова. Наверное, у него есть график.

— Тогда мы будем ждать, — сказал Ремингтон. — Мы будем следить.

Барнаби, который всё это время молчал, вдруг поднял голову.

— А что я должен делать? — спросил он.

— Вы, доктор, будете изучать эту смазку, — сказал Ремингтон, кивая на конверт. — Определите её точный состав. Узнайте, где её можно купить, кто её производит. Это может быть ключом к тому, кто нанял Георга.

— И к тому, что скрывается под землёй, — добавил Барнаби, кивая.

— Именно, — сказал Ремингтон.

Беатрис, которая стояла у камина, наконец заговорила:

— А я? Что я должна делать?

Ремингтон повернулся к ней.

— Вы будете нашим резервом, — сказал он. — Если что-то пойдёт не так, вы войдёте в музей с парадного входа и будете действовать по обстоятельствам. Ваш военный опыт и умение держать удар могут пригодиться.

— Считайте, что я готова, — сказала Беатрис, поправляя свою трость.

Они замолчали. В комнате повисла та особенная тишина, которая бывает перед большим делом. Когда все знают, что впереди их ждёт риск, но никто не говорит об этом вслух.

Ремингтон посмотрел на схему, которую нарисовал, и на мгновение его взгляд задержался на точке под музеем.

— Я хочу, чтобы вы все поняли одну вещь, — сказал он негромко. — Эта кража — не просто преступление. Кто-то пытается найти то, что должно было быть забыто. Я не знаю, что это, но я знаю, что это опасно. Если мы не остановим их сейчас, они могут сделать то, что изменит Стальбург навсегда.

Он снял пенсне, протёр его и снова надел.

— Мы будем работать по плану. Вивиан — внедрение. Люсиль — слежка. Барнаби — анализ. Беатрис — резерв. Я — координация. Мы встретимся здесь завтра вечером, чтобы обсудить первые результаты. Если кто-то из вас найдёт что-то важное, сообщите немедленно.

— А директор музея? — спросил Барнаби. — Что мы скажем ему?

— Я скажу ему, — сказал Ремингтон, — что мы продолжаем расследование и что нам нужен доступ ко всем помещениям. И я попрошу его сохранить всё как есть до завтрашнего утра. Никакой уборки, никаких изменений. Мы должны увидеть музей таким, каким его оставил вор.

Он поднялся из-за стола и подошёл к окну. Дождь всё ещё моросил, и за окном было темно. Только газовые фонари отбрасывали оранжевые пятна на мокрую мостовую.

— Завтра начинается новая игра, — сказал он, глядя на улицу. — И мы должны выиграть её.

Когда команда разошлась по своим делам, Ремингтон остался один. Он стоял у окна и смотрел на улицу, на проходящих мимо зверей, спешащих куда-то, укрывающихся от дождя, несущих свои маленькие заботы и маленькие радости. Они не знали, что под их лапами, глубоко под землёй, возможно, происходит что-то, что может изменить их жизнь.

Он подошёл к столу и взял в лапы пергаментную закладку. Набросок подземного хода был сделан небрежно, но Ремингтон знал, за этой небрежностью скрывается точный расчёт. Кто-то нарисовал это не для красоты, а для дела. Кто-то, кто знает город лучше, чем те, кто живёт на его поверхности.

Кто ты? — подумал он. — Кто стоит за всем этим?

Он убрал закладку в стол и взял лист бумаги, чтобы написать директору Кропу письмо с просьбой оставить всё как есть до завтрашнего утра. Его перо скользило по бумаге, выводя аккуратные буквы, но мысли его были далеко, там, под землёй, в темноте, где, возможно, уже ждали ответы на все вопросы.

Он дописал письмо, запечатал его сургучом и поставил печать Агентства. И только тогда позволил себе выдохнуть.

— Завтра, — прошептал он. — Завтра начнётся самое интересное.

За окном снова залаял паровоз, и где-то вдалеке раздался крик газетчика. Жизнь в Стальбурге шла своим чередом.

На Бейкер-стрит, под козырьком соседнего дома, стояли двое. Старая выдра с мешком в лапах и молодой суслик, который держал в руках ещё тёплую булочку.

— Слышал, — сказала выдра, — здесь, на этой улице, живут те самые полосатые детективы.

— Которые расследуют музейную кражу? — спросил суслик с набитым ртом.

— Они самые, — кивнула выдра. — Говорят, они уже что-то нашли. Но, как всегда, молчат.

— А ты как узнала?

— А я, — выдра усмехнулась, — я работаю в прачечной, куда они сдают вещи. Вчера я стирала жилет одного из них. Того, который носит пенсне. В кармане была записка. Там было написано: «Ищи под землёй».

Суслик проглотил булочку и широко раскрыл глаза.

— Ты читала записку?

— Нет, я просто её видела, — ответила выдра. — Но я знаю, что если они ищут под землёй, значит, там действительно что-то есть.

— И что там? — спросил суслик, понижая голос.

— Кто знает, — сказала выдра, поднимая мешок на плечо. — Может, клад. Может, тайна. Может, просто старые трубы. Но, знаешь, у нас в Риверсайде говорят, что под городом есть целая сеть ходов. И что она ведёт в самое сердце Стальбурга.

— Сердце Стальбурга? — недоверчиво переспросил суслик. — А что там?

— Кто знает, — повторила выдра, уходя в темноту. — Может, всё, что мы ищем. А может, ничего. Но в любом случае, мне кажется, скоро мы узнаем. Когда эти полосатые находят след, они не останавливаются.

Она скрылась за поворотом, оставляя суслика одного под дождём. Он стоял и смотрел на освещённое окно на втором этаже дома 221В.

— Не останавливаются, — прошептал он. — Хорошо бы.

И побежал дальше, по мокрой мостовой, в сторону Мидтауна.

ГЛАВА 2: «ПРОТОКОЛ ДИРЕКТОРА»

Внимание: нижеследующий документ является точной стенограммой допроса, проведённого 3 октября 1887 года в кабинете директора Исторического музея имени первого градоначальника. Присутствовали: Ремингтон Тьюз, глава Агентства Полосатых Маскеров; Люсиль Вальер, детектив-наблюдатель; Альдвин Кроп, директор музея. Запись велась скорописью с последующей расшифровкой.

Примечание на полях:

«Директор нервничает с первой минуты. Его клюв дрожит, хотя он старается держать его сомкнутым. Стул, на котором он сидит, слегка поскрипывает, он не может усидеть на месте. Интересно, это страх или вина?»

Ремингтон Тьюз (далее — Р.Т.): Благодарю вас, директор, за то, что согласились уделить нам время. Я знаю, что у вас сейчас много забот, но мы должны начать с самого начала. Вы не против, если мы запишем наш разговор?

Альдвин Кроп (далее — А.К.): Нет-нет, конечно, записывайте! Я хочу, чтобы всё было зафиксировано. Я хочу, чтобы правда восторжествовала. (Голос его срывается на высокой ноте, он судорожно комкает носовой платок, который держит в лапе.)

Р.Т.: Тогда начнём. Когда вы в последний раз видели Золотой компас в витрине?

А.К.: Вчера. Вчера вечером. Я самолично проверил витрину перед закрытием. Я всегда так делаю, обхожу залы, проверяю замки, смотрю, всё ли на месте. Это мой ритуал. Моя обязанность. Я я не могу поверить, что этого больше нет. (Он замолкает, его глаза влажно блестят. Он проводит когтем по столу, оставляя неглубокую царапину.)

Р.Т.: В котором часу вы проверяли витрину?

А.К.: В шесть. Ровно в шесть. Я всегда закрываю музей в шесть. Посетители уходят, я прохожу по залам, запираю двери. В шесть я видел компас.

Р.Т.: Вы уверены, что это было в шесть? Не раньше и не позже?

А.К.: Абсолютно уверен. У меня есть часы, они никогда не ошибаются. (Он машинально касается карманных часов, висящих на цепочке от жилета.)

Примечание на полях:

«Он говорит это слишком быстро. Слишком уверенно. Когда человек говорит так, он либо говорит правду, либо заучил ответ заранее. Проверить его часы — возможно, они отстают или спешат. Но важнее другое: я уже знаю от швейцара, что он был в музее в восемь. Он соврал о времени.»

Р.Т.: Директор, вы не возражаете, если я задам вам вопрос, который может показаться резким?

А.К.: Нет-нет, спрашивайте! Я хочу помочь следствию!

Р.Т.: Почему вы соврали нам о том, когда вы покинули музей?

А.К.: Что? Я я не соврал! Я ушёл в шесть! (Его клюв щёлкает, как капкан, и он судорожно прижимает крыло к груди.)

Люсиль Вальер (далее — Л.В.): Швейцар, который сидит у входа каждую ночь, сказал нам, что видел вас в восемь вечера. Он сказал, что вы возвращались в музей около восьми и вышли примерно через час. Вы можете это объяснить?

А.К.: (Он бледнеет под своим оперением. Несколько мгновений он молчит, его глаза бегают по комнате.) Ах, это это я вспомнил! Да, действительно, я возвращался в музей в восемь. Я забыл свои очки в кабинете. Я всегда забываю их, это моя проклятая привычка! Я

пришёл, взял очки и ушёл. Это всё! (Он улыбается — натянуто, неестественно, с привкусом отчаяния.)

Примечание на полях:

«Очки. Удобная отговорка. Но я заметил, что на его столе лежат две пары очков. Если он забыл одну, у него осталась вторая. Зачем возвращаться за тем, что у тебя уже есть? Ложь. Но почему он врёт? Что он делал в музее в восемь?»

Р.Т.: Директор, я хочу задать вам ещё один вопрос. Очень важный. Кто, кроме вас, имеет доступ к витрине с компасом?

А.К.: Только смотритель. И я. И ещё (Он колеблется.) и Георг.

Р.Т.: Георг — это ваш таксидермист?

А.К.: Да. Он работает у нас уже много лет. Он очень тихий, очень аккуратный. Он никогда не доставлял хлопот. Я не хочу, чтобы вы думали (Он внезапно замолкает, будто осознёт, что сказал лишнее.)

Р.Т.: Что я должен думать, директор?

А.К.: Ничего! Я просто я не хочу, чтобы вы подозревали невиновных. Георг — хороший работник, он не мог такого сделать.

Л.В.: А вы знаете, что Георг вчера ночью, после полуночи, выходил из музея в новом дорогом пальто?

А.К.: (Он ошарашенно открывает клюв и несколько раз его закрывает, словно рыба, выброшенная на берег.) Я я не знал. Но это ничего не значит! Может быть, у него появились деньги! Может быть, он выиграл в лотерею!

Р.Т.: Директор, вы сами сказали, что он никогда не выигрывал в лотерею. Вы сказали, что он тихий и никогда не доставлял хлопот. Вы защищаете его слишком горячо. Почему?

А.К.: (Его когти опять царапают стол, оставляя глубокие борозды.) Потому что потому что я знаю, что это не он! Я знаю, кто это сделал! И это не Георг!

Р.Т.: Тогда кто?

А.К.: (Он закрывает глаза, и его дыхание становится прерывистым.) Я не могу сказать. Меня убьют. Если я скажу они меня убьют.

Примечание на полях:

«Страх. Не притворство. Он действительно боится. Но он говорит «они», во множественном числе. Значит, за этим стоит не один человек, а группа. Или организация. Теперь понятно, почему он так нервничает. Он знает, кто вор, но боится назвать имя. Что это за сила, способная запугать директора музея до такого состояния? Синдикат? Или что-то похуже?»

Р.Т.: Директор, я понимаю, что вы боитесь. Но я должен предупредить вас: если вы не скажете нам правду, мы не сможем помочь вам. И тогда они действительно победят. Вы этого хотите?

А.К.: (Он долго молчит, глядя в одну точку на стене. Когда он наконец говорит, его голос звучит тихо и хрипло.) Это началось не вчера. Это началось месяц назад. Мне пришло анонимное письмо. Там было написано: «Мы знаем, что вы храните. Мы знаем, что вы знаете. Если вы не хотите, чтобы правда о вашей семье вышла наружу, вы поможете нам. Завтра в восемь вечера вы оставите чёрный ход в музей открытым. И вы не будете задавать вопросов».

Р.Т.: И вы оставили чёрный ход открытым?

А.К.: *Я не хотел! Но они угрожали моей дочери! Моя дочь живёт в Гленморе, она не виновата! Они сказали, что если я не сделаю, что велят (Его голос срыгается, он прикрывает клюв крылом.)*

Л.В.: *И что было дальше?*

А.К.: *Я оставил чёрный ход открытым. И ждал. Я сидел в кабинете и ждал. Никто не пришёл. Я думал, что это была ошибка, чья-то злая шутка. Но на следующий день я получил ещё одно письмо. «Вы сделали правильно, — говорилось в нём. — Теперь вы будете делать то, что мы скажем, когда мы скажем. Или мы расскажем всем о вашей о вашем прошлом».*

Р.Т.: *О каком прошлом, директор?*

А.К.: *(Он опускает голову и шепчет так тихо, что Ремингтон едва слышит.) Я был не всегда директором музея. В молодости я занимался делами, о которых предпочёл бы забыть. Контрабанда. Мелкие кражи. Я был в этой шайке, у нас был свой человек в таможне. Это было давно, я был молод и глуп. Я думал, что всё осталось в прошлом. Но они они нашли это.*

Р.Т.: *Кто «они», директор? Кто вас шантажирует?*

А.К.: *Я не знаю! Я никогда не видел их! Только письма! Они приходят каждую неделю с новыми требованиями. То оставить дверь открытой, то отключить сигнализацию, то то нарисовать карту. Я рисовал карты, я делал всё, что они просили! И я надеялся, что они оставят меня в покое! А вчера они потребовали компас. Я не мог отказаться. Я знал, что если откажусь, они расскажут о моём прошлом. И я лишусь всего — работы, репутации, дочери.*

Примечание на полях:

*«Теперь всё сходится. Шантаж. Директор был не соучастником, а жертвой. Он остав-
лял чёрный ход открытым, он рисовал карты. Но кто-то ещё проник в музей и украл ком-
пас. Возможно, тот, кто знал о шантаже и воспользовался им. Или же сами шантажисты
решили действовать напрямую, когда поняли, что директор не может дать им то, что им
нужно.»*

Р.Т.: *Директор, вы сказали, что рисовали карты. Какие карты?*

А.К.: *Карты подземных ходов. Они просили меня скопировать старые чертежи из
нашего архива. Я не знал, зачем им это. Я просто рисовал и отсылал по почте. Но потом
потом они попросили нарисовать карту нашего музея. С указанием всех входов и выходов. И
с пометкой, где находится витрина с компасом.*

Л.В.: *Они знали о компасе?*

А.К.: *Похоже, что да. Они знали о нём всё. Они знали, что он не просто экспонат, что
внутри него есть что-то ещё.*

Р.Т.: *Что именно, директор?*

А.К.: *(Он колеблется, затем шепчет.) Говорят, что внутри компаса есть механизм,
который открывает старую шахту в подвале. Не все знают об этом. Это почти легенда. Но
они знали. И они хотели его.*

Примечание на полях:

*«Механизм внутри компаса. Шахта в подвале. Именно туда вёл пергаментный набро-
сок. Значит, я был прав: вор хотел не золото, а информацию или доступ к чему-то, что
лежит под зданием. И шантажисты — или их наниматель — знали об этом. Теперь у меня
есть несколько направлений: проверить шахту, найти шантажиста и выяснить, кто за ним
стоит.»*

Р.Т.: *Директор, вы сможете показать нам эту шахту?*

А.К.: Она замурована. Её замуровали много лет назад, после того как там случился обвал. Но я знаю, где она находится. Я могу показать вам, где находится вход.

Р.Т.: Отлично. Мы осмотрим её позже. А сейчас я хочу задать вам последний вопрос: вы знаете, кто мог украсть компас? Кроме тех, кто вас шантажирует?

А.К.: (Он снова замолкает, его взгляд становится стеклянным.) Я не знаю. Но я видел кое-что, что меня напугало. За неделю до кражи я задержался в музее допоздна. Я проходил мимо мастерской Георга и увидел свет. Я заглянул в щёлочку. Георг стоял у стола и что-то делал. Я не видел, что именно, но я видел его руки. Они были покрыты бронзовой смазкой. Такой же, как на замке витрины.

Р.Т.: И вы ничего не сказали?

А.К.: Я испугался! Я уже был напуган до смерти, я не хотел добавлять ещё один страх! Я решил, что если Георг связан с этим, то я должен молчать. Я не хотел, чтобы они знали, что я что-то видел.

Примечание на полях:

«Георг. Бронзовая смазка. Всё указывает на него. Но почему он это сделал? Он был пешкой, как и директор? Или он действовал в одиночку? Мне нужно поговорить с ним лично. Но сначала — шахта в подвале.»

Р.Т.: Директор, я благодарю вас за откровенность. Я понимаю, как трудно вам было рассказать это. Но теперь я знаю, что мы имеем дело не просто с воровством. Это заговор. И чтобы раскрыть его, нам нужно действовать осторожно.

А.К.: (Он поднимает на Ремингтона влажные глаза.) Вы поможете мне? Вы защитите мою дочь?

Р.Т.: Мы сделаем всё, что в наших силах, директор. Но я должен попросить вас: не говорите никому о нашем разговоре. Ни Георгу, ни смотрителю, ни даже вашей семье. Если шантажисты узнают, что вы говорили с нами, они могут отомстить.

А.К.: Я буду молчать. Клянусь.

Р.Т.: Хорошо. Тогда мы продолжим расследование. А вы пока оставайтесь в музее и делайте вид, что ничего не произошло. Если кто-то спросит, почему мы здесь, скажите, что мы проводим независимую экспертизу. Это будет правдой.

Ремингтон поднялся, и Люсиль бесшумно встала следом. Директор проводил их до двери, его шаги были неуверенными, как у пьяного. Он остановился в дверях, и его голос дрогнул:

— Мистер Тьюз я не хочу, чтобы моя дочь пострадала. Пожалуйста найдите того, кто это сделал. И остановите его.

Ремингтон повернулся к нему и посмотрел прямо в глаза.

— Я найду, — сказал он. — Обещаю.

Итоговое примечание на полях протокола:

«Сегодняшний допрос дал мне ключевую информацию:

1. Директор Кроп — жертва шантажа. Его прошлое, контрабанда, было использовано против него. Он не знает, кто его шантажирует, но действовал под давлением.

2. Георг — основной подозреваемый. Он работал с бронзовой смазкой, у него был доступ к замку, он выходил ночью в дорогом пальто. Но мотив остаётся неясным — деньги? Или тоже шантаж?

3. В подвале музея есть замурованная шахта, которая, по легенде, открывается механизмом внутри компаса. Это объясняет, почему вору нужен был именно компас.

4. За всем этим стоит кто-то, кто не показывает лица. Шантажисты или их наниматель — они играют в долгую игру. И у них есть план, который простирается далеко за пределы музея.

Я должен проверить шахту. Должен поговорить с Георгом. И должен понять, кто стоит за этим заговором. Пока я не знаю имени, но я знаю, что оно существует. И я найду его.»

В коридоре музея, сразу после того, как дверь кабинета директора закрылась, двое служителей, старый барсук-уборщик и молодой заяц-курьер, переглянулись.

— Слышал? — прошептал барсук, кивая в сторону кабинета. — Детективы были у него целый час. Что-то они вывели.

— А ты думаешь, он им всё рассказал? — спросил заяц.

— Если он умный — да. Если нет — барсук покачал головой. — Знаешь, я работаю здесь двадцать лет. Я видел много директоров. Но этот он боится. И не потому, что у него украли компас. А потому, что он знает, кто его украл.

— И кто же?

Барсук огляделся по сторонам и понизил голос до шёпота.

— Тот, кто управляет тенями под нашими лапами. Тот, кто знает, что Стальбург — это не только то, что мы видим. Тот, кто строит новый город под старым.

— Это же просто легенды! — возмутился заяц.

— Легенды, — усмехнулся барсук. — Да, конечно. А ты видел, как вчера из подвала вытаскивали ящики? Я видел. Они были тяжёлые, и на них была надпись «Фундамент». Что это, по-твоему?

Заяц побледнел и ничего не ответил.

— Вот и я о том же, — сказал барсук и ушёл, оставляя зайца одного в тёмном коридоре.

Кабинет директора музея был тем местом, где время застыло в густом слое пыли и старых бумаг. Высокие дубовые шкафы, забитые папками и фолиантами, тянулись к потолку, создавая ощущение, что ты находишься не в комнате, а в библиотеке, где каждый том хранит не просто знания, а целые эпохи. На стенах висели портреты прежних директоров. Череду строгих филинов, сов и одной старой вороны, которая смотрела с полотна с таким выражением, будто знала все тайны мира и не собиралась ни с кем делиться. Пол был устлан ковром с выцветшим геометрическим узором, который когда-то был бордовым, а теперь приобрел цвет старой крови. В углу стоял огромный письменный стол из красного дерева, заваленный бумагами, и на нём бронзовая лампа с зелёным абажуром, которая отбрасывала мягкий, приглушённый свет.

Директор Кроп сидел за этим столом, сгорбившись, будто под тяжестью невидимого груза, и смотрел на свои лапы, лежащие на поверхности стола. Его когти, обычно аккуратно подпиленные, сейчас были в беспорядке. Он судорожно царапал ими деревянную крышку, оставляя тонкие, почти невидимые борозды. Он молчал. Ремингтон тоже молчал, давая ему время осознать, что он только что рассказал. Люсиль стояла у двери, прислушиваясь к звукам коридора, и казалась почти бесплотной тенью в углу.

Тишина затягивалась. Слышно было только тиканье старых настенных часов, которые отсчитывали секунды с методичной точностью, и далёкий гул города, доносящийся через толстые стены.

— Директор, — наконец сказал Ремингтон, нарушая молчание, — я хочу задать вам ещё один вопрос, который, возможно, покажется вам несущественным. Но я прошу вас отнестись к нему серьёзно.

Кроп поднял голову. Его глаза были красными, будто он не спал несколько ночей подряд. Оперение на голове стояло дыбом, придавая ему сходство с взъерошенным птенцом, который только что выпал из гнезда и не понимает, что происходит.

— Я отвечу на всё, — сказал он хрипло. — Я уже сказал вам самое страшное. Остальное — мелочи.

Ремингтон медленно подошёл к книжному шкафу, стоящему у стены, и провёл лапой по корешкам книг. Он не смотрел на них, он просто давал себе время, чтобы обдумать следующий вопрос. Его взгляд упал на одну из книг, лежащую на отдельной подставке. Фолиант в тёмно-зелёном переплёте с золотым тиснением. На корешке было вытеснено: «Стальбург подземный. Архитектура и коммуникации, 1740–1820».

Он взял книгу в лапы и открыл её, пролистывая страницы. Там были гравюры, изображающие сложные системы водостоков, дренажных каналов и вентиляционных шахт. Некоторые из них были подписаны старым почерком, почти нечитаемым. Ремингтон поднял глаза на директора.

— Интересная книга, — сказал он небрежно. — Вы часто ею пользуетесь?

Кроп вздрогнул. Его взгляд метнулся к книге, и в ту же секунду его оперение встало ещё более дыбом. Он побледнел, это было заметно даже под его серовато-бурым пухом, который вдруг стал казаться почти белым.

— Это это старая книга, — сказал он, и его голос дрогнул. — Она не имеет отношения к делу. Просто исторический документ. Мы храним её здесь, в кабинете, для справки.

— Для справки? — переспросил Ремингтон, не сводя с него глаз. — И что же вы справляете по этой книге? Карты подземелий? Схемы коммуникаций?

— Ничего! — слишком быстро ответил Кроп. — Я просто иногда смотрю на неё, когда хочу отвлечься. Она красивая. Гравюры очень детальные.

— Да, — согласился Ремингтон. — Очень детальные. Особенно вот эта, — он развернул книгу к директору и показал на одну из страниц, где была изображена система туннелей под музеем. — Посмотрите, здесь отмечены даже входы в подвал. И, кажется, есть ещё один вход, который не обозначен на современных планах. Вы знаете о нём?

Кроп замер. Его клюв, который до этого был слегка приоткрыт, теперь сомкнулся с такой силой, что стало слышно, как щёлкнули челюсти. Он перевел взгляд с книги на Ремингтона, и в его глазах мелькнуло что-то. Страх пополам с отчаянием.

— Я я не знаю, о чём вы говорите, — выдавил он. — На современных планах обозначены все входы. Мы проводили проверку несколько лет назад.

— А эта книга не современная, — сказал Ремингтон. — Она старая. Возможно, в ней есть сведения, которые не вошли в официальные документы. Например, о старых шахтах, которые были замурованы, но не уничтожены.

Кроп молчал. Его когти на столе дрожали, и он сжимал их в кулаки, чтобы скрыть эту дрожь. Ремингтон заметил это движение. Как и то, что его правая лапа нырнула под стол, словно искала там опору.

— Директор, — сказал Ремингтон, закрывая книгу, — я не хочу вас пугать. Но если вы знаете что-то, что может помочь нам в расследовании, вы должны сказать. Чем больше мы знаем, тем быстрее мы найдём того, кто украл компас.

— Я не знаю ничего, — прошептал Кроп. — Я уже сказал вам всё. Всё, что мог.

— Тогда почему вы так испугались? — спросила Люсиль из своего угла. Её голос был тихим, но чётким, как удар кинжала. — Вы побледнели. Ваши когти дрожат. Вы избегаете смотреть на книгу.

Кроп повернулся к ней, и его лицо исказила гримаса боли.

— Я испугался, потому что потому что эту книгу трогал Георг! — выпалил он. — За неделю до кражи я видел его здесь, в кабинете. Он стоял у этого шкафа и читал эту книгу. Когда

он увидел меня, он захлопнул её и сказал, что искал сведения о старых методах таксидермии. Но я видел, на какой странице она была открыта. Там были карты подземелий. Под нашим музеем.

Люсиль и Ремингтон переглянулись.

— И вы не спросили его, зачем ему карты подземелий? — спросила Люсиль.

— Я боялся! — взорвался Кроп. — Меня уже шантажировали! Я думал, что если я задам слишком много вопросов, они поймут, что я что-то подозреваю, и убьют меня! Я просто я просто сказал ему, что книга старая и что он должен быть осторожен с ней, чтобы не повредить страницы. А потом я ушёл.

Ремингтон не ответил. Он стоял неподвижно, глядя на директора, и в его голове пронеслись мысли, быстрые и чёткие, как тиканье часов. Он заметил на столе директора, среди разбросанных бумаг и пустых чашек из-под чая, небольшой конверт с печатью городской управы. Он был почти скрыт под стопкой других писем, но уголок его выглядывал наружу, и на нём была видна дата.

Ремингтон сделал шаг к столу и с лёгкой небрежностью, словно проверяя что-то незначительное, переложил верхние бумаги. Конверт лежал открытым, и из него торчал лист гербовой бумаги с официальным бланком. Он взял его в лапы и прочитал. Директор вздрогнул и подался вперёд, но было уже поздно.

— Директор, — сказал Ремингтон, поднимая письмо, — вы не упоминали, что в музее запланирована реставрация подвалов.

Кроп замер. Его лицо побледнело еще сильнее, и он открыл клюв, но не издал ни звука.

— Это письмо датировано прошлой неделей, — продолжал Ремингтон, пробегая глазами текст. — Оно адресовано в городскую управу, и в нём говорится о необходимости укрепить подвальные перекрытия из-за «обнаруженных деформаций». Вы просите выделить средства на ремонт. Но почему вы не сказали нам об этом сегодня? Мы осматривали подвал, и вы ни разу не упомянули о ремонте.

Кроп сглотнул. Его кадык дёрнулся, и он заговорил. Быстро, нервно и сбивчиво:

— Это формальность! Я должен был подать заявку заранее, чтобы к следующему году у нас были деньги! Мы не начинали ремонт! Мы даже не знаем, будет ли он вообще! Я просто сделал это на всякий случай!

— На всякий случай, — повторил Ремингтон, глядя на дату в письме. — За неделю до кражи. Вы подали заявку, но, по вашим словам, не планировали ремонт в ближайшее время. И вы не сказали нам об этом, когда мы смотрели на царапины на замке и на белые следы на полу. Почему?

— Я не думал, что это важно! — воскликнул Кроп. — Это просто бумажка! Обычная бюрократия!

— Но вы боитесь, что кто-то вскрыет подвал, не так ли? — спокойно спросил Ремингтон, возвращая письмо на стол. — Вы не боитесь, что воры украдут что-то из подвала. Вы боитесь, что они найдут там то, что не должно быть найдено. То, что не нанесено на карты. То, что вы пытались скрыть, подавая эту заявку.

Кроп смотрел на него широко раскрытыми глазами. Его клюв мелко дрожал, и он судорожно сжимал платок, комкая его в лапах. Тишина повисла в комнате, тяжелая и густая, как утренний туман над рекой.

— Я ничего не скрываю, — выдавил он, но голос его предательски сорвался на фальцет. — Я просто я просто хочу, чтобы мой музей был в порядке. Это моя обязанность.

Ремингтон посмотрел на него долгим, пристальным взглядом. Он видел страх в глазах директора. Не просто страх, а панический ужас, смешанный с отчаянием. Таким страхом не пугают себя ради спектакля. Так боятся только те, кто действительно находится на грани.

— Хорошо, — сказал Ремингтон. — Я верю вам. Но я хочу, чтобы вы знали. Если в вашем подвале есть что-то, что может пролить свет на эту кражу, я всё равно это найду. С вашей помощью или без неё.

Он развернулся и направился к двери. Люсиль бесшумно отделилась от стены и последовала за ним. У самого выхода Ремингтон остановился и обернулся.

— Я советую вам, директор, быть более откровенным в будущем, — сказал он. — Это может спасти вам жизнь.

И он вышел, оставляя директора одного в полумраке кабинета, где тикали часы и пахло старой бумагой и страхом.

Примечание Ремингтона:

«Директор Кроп солгал нам дважды: о времени закрытия музея и о ремонте в подвале. Он что-то скрывает, но делает это не из злого умысла, а из страха. Возможно, шантаж, которому он подвергается, как-то связан с тем, что находится в подвале музея. Или с тем, что там было, до того как его замуровали. Я должен узнать, что там, даже если для этого мне придётся обойтись без помощи директора.»

Они вышли в коридор, и дверь за ними закрылась с мягким щелчком. Люсиль остановилась и повернулась к Ремингтону.

— Он знает больше, чем говорит, — сказала она. — Его страх не притворный. Но он не просто боится шантажистов. Он боится того, что они могут найти в подвале.

— Согласен, — сказал Ремингтон. — И это подводит нас к следующему шагу. Мы должны спуститься туда сегодня ночью.

— Без его разрешения?

— С его разрешением или без него. Мы не можем ждать. Чем дольше мы ждём, тем больше времени у них, чтобы замести следы.

Люсиль кивнула, и они пошли дальше по коридору, оставляя за спиной кабинет директора, где старый филин сидел в тишине, сжимая в лапах письмо из городской управы и глядя в одну точку на стене, где висел портрет его предшественника, который смотрел на него с выражением, похожим на укоризну.

В коридоре музея, у самого входа в кабинет директора, стоял старый сторож-барсук. Он делал вид, что протирает мраморные перила лестницы, но на самом деле он прислушивался, пытаясь уловить обрывки разговора. Когда Ремингтон и Люсиль вышли, он на мгновение замер, затем наклонился и заговорил так тихо, что его голос был почти не слышен:

— Сэр? Я я хотел бы сказать кое-что.

Ремингтон остановился.

— Говорите, — сказал он.

Барсук оглянулся по сторонам, убеждаясь, что никто не слышит, и прошептал:

— Я знаю, что вы ищете. И я знаю, где вы можете найти ответы. Это не в подвале. Это под подвалом. Там есть старый ход, который ведёт куда-то. Я не знаю, куда именно, но я слышал, как Георг говорил о нём. Он говорил, что «вход закрыт, но компас может открыть его». Будьте осторожны. Если они узнают, что вы знаете об этом они могут сделать так, что вы никогда не выйдете оттуда.

Ремингтон посмотрел на барсука. Тот казался испуганным, но в его глазах светилась решимость, как у того, кто решил сказать правду, даже если эта правда может его погубить.

— Спасибо, — сказал Ремингтон. — Вы оказали нам большую услугу.

— Не благодарите, — ответил барсук, отворачиваясь и уходя в тень коридора. — Просто найдите то, что они ищут. И остановите их.

Он исчез за углом, оставляя Ремингтона и Люсиль стоять в одиночестве, погружённых в тишину музея.

Примечание Ремингтона:

«Теперь у меня есть подтверждение. Ход под подвалом существует. Георг знал о нём, и он искал компас, чтобы открыть его. Вопрос в том, кто стоит за этим. Шантажисты? Или кто-то другой, более могущественный? И как далеко ведёт этот ход? Под землёй Стальбурга ходят легенды о целых городах, построенных в старых каменоломнях. Может быть, эти легенды не просто сказки. Может быть, они — реальность.»

На улице, у самого входа в музей, где моросил мелкий дождь, стояла старая ворона с зонтиком, из-под которого торчал клюв. Она не смотрела на прохожих, она смотрела на окна музея, особенно на то, где горел свет. Когда Ремингтон и Люсиль появились у выхода, она медленно развернулась и пошла прочь, не оглядываясь.

На том месте, где она стояла, остался маленький клочок пергамента с нацарапанным символом. Переплетённые ключ и перо.

Ветер подхватил его и понёс по мокрой мостовой, к газовому фонарю, под которым его и нашёл маленький суслик-газетчик, поднимающий оброненные монеты.

— Странный символ, — сказал он, вертя пергамент в лапах. — Ключ и перо. Что бы это значило?

Но никто не ответил ему, потому что никто не знал ответа.

Музей жил своей жизнью. Он дышал, скрипел, вздыхал старыми половицами и гудел пустотами в стенах, где когда-то проходили трубы отопления и вентиляции. Вивиан чувствовала это дыхание каждой клеткой своего тела, она всегда умела слушать здания так же, как слушала людей. В этом доме было что-то не так. Что-то, что пряталось за парадной роскошью и музейной тишиной. Она чувствовала это кожей, даже когда просто стояла в вестибюле, ожидая, когда её позовут.

Ей потребовалось меньше часа, чтобы стать частью этого пространства. Утром она пришла в музей в скромном платье тёмно-серого цвета, с туго затянутым корсетом и строгой причёской, которая делала её старше на добрый десяток лет. Очки в тонкой металлической оправе, которые она носила исключительно для роли, придавали ей вид серьёзной, даже строгой служащей. Она представилась как мисс Клегхорн, временный помощник директора, присланный из городской управы для проверки документов.

Директор Кроп, который встретил её с натянутой улыбкой и явным облегчением, что его оставили в покое, быстро ввёл её в курс дела и удалился. И теперь она стояла одна в коридоре второго этажа, глядя на дверь кабинета директора, и понимала, что её время пришло.

— Ровно пятнадцать минут, — прошептала она себе под нос. — Пятнадцать минут, чтобы найти всё, что нужно.

Она вошла в кабинет так же естественно, как если бы делала это каждый день, с лёгкой небрежностью, будто имеет право здесь находиться. Дверь закрылась за ней беззвучно, и она оказалась в полумраке комнаты, где даже днём было сумрачно из-за плотных штор, задернутых на высоких окнах.

Вивиан остановилась в центре кабинета, оглядываясь по сторонам. Она умела видеть комнату так, как видит её будущий актёр. Не просто как набор предметов, а как сцену, на которой разыгрывается спектакль. Здесь, в этом кабинете, разворачивалась драма, и она должна была понять, кто здесь актёры, а кто — жертвы.

Первое, что она заметила, был беспорядок. Настоящий хаос, на грани срыва. Бумаги были разбросаны по столу, пустые чашки стояли где попало, одна из них опрокинулась и оставила

коричневое пятно на гербовой бумаге. Пепельница была полна окурков, Кроп, судя по всему, много и нервно курил. И среди всего этого беспорядка, как островок порядка, стояла чернильница с аккуратно вставленным пером. Слишком аккуратно, чтобы быть случайным.

— Интересно, — прошептала Вивиан.

Она подошла к столу и, не прикасаясь к нему, внимательно его осмотрела. Бумаги были разложены в несколько стопок: официальные письма, счета, какие-то списки. Но одна стопка лежала чуть отдельно от других, и края бумаг были загнуты, как будто их часто перелистывали. Вивиан взяла верхний лист и прочитала. Это был счёт от поставщика бумаги, обычная хозяйственная вещь, не имеющая отношения к делу. Но под ним лежало письмо на плотной серой бумаге, без бланка и обратного адреса.

Она аккуратно вытащила его. Бумага была качественной, дорогой, но без водяных знаков. Чернила — тёмно-синие, почти чёрные, с лёгким фиолетовым оттенком. Такие чернила использовали в дорогих канцелярских лавках Гленмора, но они не были распространены в Мидтауне. Она развернула письмо и начала читать.

«Уважаемый директор,

Напоминаю о необходимости предоставить доступ к старым планам, о которых мы говорили на прошлой встрече. Время не ждёт. Мы уже откладывали этот вопрос дважды, и дальнейшее промедление может иметь нежелательные последствия как для вас, так и для вашей семьи.

Я жду вашего ответа не позднее пятницы.

Искренне ваш, Поверенный.»

Вивиан перечитала письмо дважды. В нём не было ни имён, ни подписей, ни конкретных указаний. Но тон его был угрожающим, несмотря на формальную вежливость. «Нежелательные последствия для вашей семьи» — это был явный намёк на шантаж.

Она перевернула письмо. На обратной стороне была пометка, сделанная рукой Кропа: «Получено 27 сентября. Отправитель — Риверсайд, общая почта». И внизу, карандашом, почти неразборчиво: «Г.Д.».

— Г.Д., — прошептала Вивиан. — Кто это? Генри Дэй? Грегори Дюпон? Или что-то совсем другое?

Она положила письмо на место, стараясь не нарушить его положения, и продолжила изучать стол. Её взгляд упал на ящик, который был чуть приоткрыт — ровно настолько, чтобы можно было заметить уголок конверта, выглядывающий наружу. Она потянула за ящик, но он был заперт. Однако конверт был виден даже сквозь щель. И на нём, на обороте, виднелась часть печати.

Вивиан замерла. Внутри неё что-то ёкнуло, то чувство, которое приходило к ней на сцене, когда она внезапно узнавала в зрительном зале кого-то, кто должен был сидеть там. Она узнала этот символ. Даже частично.

Она вытащила из своей маленькой сумочки набор отмычек, профессиональный инструмент, который всегда носила с собой. Это было не то, что она любила делать, Вивиан предпочитала убеждать, а не взламывать. Но в этом кабинете не было времени на убеждения.

Замок был старым, простым, и она открыла его за несколько секунд. Ящик скрипнул, подаваясь вперёд, и перед ней предстали аккуратно сложенные конверты. Все они были одинакового формата, из той же плотной серой бумаги, что и письмо. Все они были адресованы «Директору Исторического музея» без указания имени. И все они были без обратных адресов.

Она взяла верхний конверт и повертела его в лапах. Печать тёмно-красного сургуча, и на ней чётко отпечатался символ, переплетённые ключ и перо. Она смотрела на него, и в голове у неё проносились образы, яркие, театральные, почти осязаемые.

«Я видела это раньше», — подумала она. — «Но где?»

И вдруг память подкинула ей ответ. Это было три года назад. Она играла в театре «Сильвана» в постановке, которая называлась «Тени под городом». Это была мрачная пьеса о тайных обществах и заговорах, и в одном из актов на сцене появлялся символ, точно такой же, этот переплетённый ключ и перо. Он был вышит на мантии одного из персонажей, таинственного «Хранителя», который говорил о том, что под Стальбургом существует другой город, который управляет верхним.

Вивиан тогда не придавала этому значения. Это была всего лишь декорация, реквизит, придуманный художником по костюмам. Но сейчас она вспомнила, что тот художник, старый барсук по имени Милтон, как-то обмолвился, что «рисовал этот символ с натуры, с одной старой гравюры». Он говорил, что это «эмблема настоящих хозяев города», но тогда все восприняли это как шутку.

Теперь она смотрела на тот же символ на конверте, и ей не было смешно.

Она открыла конверт и достала письмо. Оно было коротким, написанным тем же почерком:

«Вы получили наш прошлый запрос. Если вы не дадите ответа к пятнице, мы будем вынуждены начать без вас. Ваше сотрудничество было ценным, но мы не можем ждать вечно.

Помните: вы знаете, что случилось с вашим предшественником.»

Вивиан снова перечитала эти строки несколько раз. «Ваш предшественник». Значит, это происходит не впервые. Предыдущий директор тоже был связан с этими людьми. И он, судя по всему, не смог выполнить их требования.

Она аккуратно сложила письмо и положила его обратно в конверт. Затем она сняла со своего пальца кольцо и приложила его к сургучной печати — так, чтобы сделать точный оттиск. Она не знала, пригодится ли это, но она умела быть готовой ко всему.

Когда ящик был заперт и всё встало на свои места, Вивиан отошла от стола и подошла к окну. Она стояла, глядя на улицу, где шёл дождь, и её мысли возвращались к тому символу. Ключ и перо. Что он означал? Кто стоял за ним? И почему она чувствовала, что это не просто случайный рисунок, а знак, который меняет всё?

Она провела ладонью по стеклу, оставляя на нём влажный след, и прошептала:

— Кто же вы, таинственный поверенный? И что вы ищете в подвалах этого музея?

Но ответа не было. Только дождь барабанил по стеклу, и где-то вдалеке гудок паровоза пронзил тишину.

Она вышла из кабинета, закрыв за собой дверь, и остановилась в коридоре, ожидая, пока её сердце успокоится. Она нашла то, что искала. Но теперь у неё было больше вопросов, чем ответов.

Когда Ремингтон вернулся в штаб и увидел Вивиан, он сразу понял, что она нашла что-то важное. Она стояла у стола, молча и сосредоточенно, и в её руке был листок бумаги, она набросала на нём символ, который видела на печати.

— Я знаю этот знак, — сказала она, поднимая глаза на Ремингтона. — Я видела его раньше.

— Где? — спросил он, подходя ближе.

— В театре. Три года назад. Пьеса называлась «Тени под городом». Там была сцена, где появлялся Хранитель, и на его мантии был вышит этот символ. Я тогда подумала, что это просто придумка художника. Но сейчас я уверена, что он срисовал его с настоящего источника.

— С какого источника? — спросила Люсиль, подходя ближе.

— Я не знаю, — ответила Вивиан. — Но я могу найти того художника. Он живёт в Мидтауне, я знаю его адрес. Он работал в театре много лет. Если кто-то знает, откуда взялся этот символ, то это он.

Ремингтон взял набросок и долго смотрел на него. Ключ и перо. Простой, элегантный, но в то же время многозначительный символ. Он видел его в первый раз, но чувствовал, что он неслучаен. Что за ним стоит что-то древнее.

— Вивиан, — сказал он, поднимая глаза. — Это может быть ключом ко всему. Мы должны найти этого художника. И мы должны узнать, что он знает.

— Я займусь этим завтра утром, — сказала Вивиан. — Но сначала я хочу кое-что проверить.

— Что?

— Архив театра. Может быть, у них сохранились старые эскизы костюмов. Или хотя бы записи о том, кто заказывал эту пьесу.

Ремингтон кивнул.

— Отлично. А я пока займусь Георгом. Мы должны понять, где он находится и что он делает.

— А я, — сказала Люсиль, — могу проверить, не выходил ли Георг снова ночью.

— Делайте, — сказал Ремингтон. — Мы на правильном пути. Я чувствую это.

Примечание Ремингтона:

«Вивиан нашла то, что может стать решающей уликой. Символ «Ключ и Перо» — это не просто случайный рисунок. Это эмблема, возможно, целой организации. Организации, которая действует в тени и имеет доступ к самым высоким кабинетам. Мы должны выяснить, кто они, и что они ищут под землёй. Потому что если они найдут это раньше нас, мы можем уже ничего не успеть.»

Вивиан ушла в свою комнату, чтобы подготовиться к завтрашнему походу в архив театра. Она стояла у зеркала, снимая макияж, и смотрела на своё отражение. Ей казалось, что она смотрит на актрису, которая играет роль в спектакле, где все маски скоро должны упасть.

— Тени под городом, — прошептала она. — Если бы ты знал, как близко ты был к правде, старый драматург.

В театре «Сильвана», где когда-то играли пьесу о тайных обществах, старый осветитель-барсук сидел в своей каморке и курил трубку. Он работал здесь уже сорок лет и видел много спектаклей, но этот, «Тени под городом», он запомнил особенно. Потому что в тот год, когда ставили эту пьесу, он видел странного посетителя, который приходил на все репетиции и сидел в глубине зала, ни с кем не разговаривая. Этот посетитель был одет в дорогое пальто, и на его лацкане была приколата булавка с тем символом — ключ и перо.

Барсук тогда подумал, что это какой-то критик или спонсор. Но когда пьеса была закрыта после десятого представления, этот посетитель больше не появлялся. А потом, через несколько месяцев, барсук увидел на старой афише тот же символ, нарисованный на полях, и понял, что это была не просто пьеса, а что-то большее.

Он никогда никому не рассказывал об этом. Но сейчас, когда он услышал от младшего осветителя, что в городе появились детективы, которые ищут ответы, он подумал: может быть, пришло время заговорить?

Он выключил свет и вышел из своей каморки, направляясь к выходу. И шёл он не домой, он шёл на Бейкер-стрит, 221В, где горел свет в окнах.

Ремингтон вернулся в музей ближе к вечеру, когда солнечный свет, пробивающийся сквозь тучи, уже начал угасать, и в коридорах зажглись газовые рожки. Он не предупредил о своём приходе. Он просто вошёл через главный вход, поднялся по лестнице, прошёл мимо удивлённого швейцара и направился прямо в кабинет директора. Это был его метод, не остав-

лять времени на подготовку, на новые лжи и притворство. Если ты хочешь увидеть правду, ты должен застать человека врасплох.

Дверь кабинета была приоткрыта, и он толкнул её без стука. Кроп сидел за столом, склонившись над бумагами, и при появлении Ремингтона вздрогнул так сильно, что чернильница на столе качнулась, грозя опрокинуться. Он поднял глаза, и в них снова мелькнул тот же страх, но на этот раз к нему примешалась обречённость. Обречённость того, кто знает, что спектакль окончен.

— Мистер Тьюз, — выдавил он, и голос его предательски дрогнул. — Я я не ждал вас так поздно. Уже почти восемь часов. Музей закрыт.

— Я знаю, — сказал Ремингтон, закрывая за собой дверь. — Поэтому я и пришёл. Нам нужно поговорить, директор. И на этот раз — без уверток.

Он подошёл к столу и сел напротив Кропа, не спрашивая разрешения. Свет газовой лампы падал на его лицо, высвечивая спокойные глаза и лёгкую, почти незаметную улыбку, которая, однако, не касалась уголков губ. Он положил на стол несколько предметов. Конверт с печатью «Ключ и Перо», который принесла Вивиан, лист бумаги с наброском символа и закладку из книги с картой подземелий.

Кроп смотрел на это так, будто перед ним лежали его собственные смертные приговоры. Его клюв мелко дрожал, и он попытался что-то сказать, но слова застревали в горле.

— Директор, — сказал Ремингтон спокойно, — я знаю о вашей переписке. Я знаю, что вы получаете письма без обратного адреса, которые угрожают вам и вашей семье. Я знаю, что кто-то требует от вас доступ к старым планам и, возможно, к другим документам. Я знаю, что вы боитесь, и я понимаю этот страх. Но я должен просить вас об одном, перестаньте лгать.

Кроп закрыл глаза. Его дыхание стало прерывистым, и он судорожно сжал платок в лапах, комкая его в узел. Когда он заговорил, его голос звучал тихо, почти неразборчиво, будто он говорит сам с собой.

— Я не хотел — прошептал он. — Я не хотел никого впутывать. Я думал, что смогу справиться сам. Я думал, что если я буду делать то, что они просят, они оставят меня в покое. Но они не оставляют. Они требуют всё больше и больше.

Ремингтон не перебивал. Он ждал.

— Всё началось месяц назад, — продолжал Кроп, открывая глаза и глядя в одну точку на стене. — Я получил первое письмо. В нём говорилось, что они знают о моём прошлом. О том, что я делал в молодости. О контрабанде. О том, как я помогал провозить контрабандный товар через доки. Я был молод, глуп и беден, но я не думал, что об этом кто-то узнает.

Он замолчал и глубоко вздохнул, будто собираясь с силами.

— Они сказали, что если я не буду сотрудничать, они расскажут всё моей дочери. И городской управе. И газетам. Они сказали, что я потеряю всё. Свою работу, репутацию и семью. Я не мог позволить этому случиться. Я согласился.

— Что они требовали? — спросил Ремингтон.

— Сначала просто информацию. Схемы музея. Расписание охраны. Карты подвалов. Всё, что у меня было. Я думал, что это просто ограбление, кто-то хотел украсть что-то из коллекции. Но потом они попросили меня нарисовать карту подземных ходов под музеем. И тогда я понял, что это не просто кража.

— Что именно они искали?

— Не знаю, — покачал головой Кроп. — Они не говорили. Они просто требовали, чтобы я копировал старые чертежи и отправлял им по почте. А потом, неделю назад, я получил ещё одно письмо. Самое страшное.

Он дрожащей лапой потянулся к ящику стола и открыл его. Он вытащил конверт, который Вивиан уже видела, и положил его на стол перед Ремингтоном. Символ «Ключ и Перо»

был чётко виден на сургучной печати, и Ремингтон заметил, как Кроп вздрогнул, когда его глаза коснулись этого изображения.

Ремингтон взял конверт и открыл его. Внутри лежал лист бумаги, исписанный тем же тёмно-синими чернилами:

«Директору Кропу.

Вы должны передать нам копию карты, которая находится внутри Золотого компаса. Это необходимо для завершения нашего проекта. Если вы откажетесь или не сможете, мы будем вынуждены применить другие меры.

Помните: ваша дочь живёт на Гленмор-стрит, 14. Она ходит в парк по вечерам. С ней случаются несчастные случаи.

А.Б.»

— А.Б., — прочитал Ремингтон вслух. — Вы знаете, что означают эти инициалы?

— Нет! — почти выкрикнул Кроп. — Клянусь, я не знаю! Я никогда не видел того, кто подписывает эти письма! Они приходят с общей почты, без обратного адреса! Я просто я просто делаю то, что они говорят!

Ремингтон посмотрел на него долгим, пристальным взглядом. Он видел перед собой не преступника, а загнанного в угол филина, который отчаянно пытается спасти то, что осталось от его жизни.

— Директор, — сказал он мягко, — вы пытались выполнить это требование?

— Да, — выдавил Кроп. — Я пытался. Я пришёл в музей в тот вечер, в восемь часов, как и сказал вам. Я хотел снять копию карты из компаса. Но когда я подошёл к витрине, его уже не было. Кто-то украл его до меня.

— И вы не сообщили об этом?

— Я не мог! — в отчаянии воскликнул Кроп, ударяя лапой по столу так, что чернильница подпрыгнула и опрокинулась, разливая чернила по бумагам. — Если бы я сказал полиции, что компас пропал до того, как я успел выполнить их требование, они бы начали задавать вопросы! Они бы нашли письма! Они бы узнали о моём прошлом! Я хотел сказать вам! Я хотел признаться! Но я боялся, что вы не поймёте! Что вы подумаете, что я — часть этого!

— Я так не думаю, — сказал Ремингтон. — Я вижу перед собой филина, который запуган и загнан в угол. Но вы должны понять одну вещь. Тот, кто стоит за этими письмами, не остановится на компасе. Если они получают карту, они потребуют ещё что-то. И это будет продолжаться до тех пор, пока вы не потеряете всё, или пока кто-то не остановит их.

Кроп поднял на него глаза, полные отчаяния и надежды, смешанных в странном коктейле.

— Вы думаете, вы можете их остановить? — спросил он хрипло.

— Я думаю, что мы можем попытаться, — ответил Ремингтон. — Но для этого мне нужно знать всё, что вы знаете. Каждое письмо, каждое требование, каждое имя или упоминание, которое вы запомнили. Даже самые незначительные детали.

Кроп замолчал. Он сидел неподвижно, глядя на свои лапы, на которых были чернильные пятна, и, казалось, что он провалился в какие-то свои мысли. Наконец он заговорил, и его голос звучал глухо, как из-под земли:

— Есть ещё кое-что, — сказал он. — Не знаю, важно ли это, но я должен сказать. На прошлой неделе я видел Георга. Он стоял у входа в подвал, и он говорил с кем-то. Я не видел, с кем, но я слышал имя. Он назвал его «поверенный». Потом он сказал: «Я сделаю всё, как вы просите. Только защитите мою семью».

Ремингтон нахмурился. Семья Георга? Он не знал, что у крота есть семья. В его досье было сказано только то, что он одинокий таксидермист, живущий в музейной мастерской. Если у него есть семья, и кто-то угрожает ей, это объясняло бы его послушание.

— Вы уверены, что это был Георг? — спросил Ремингтон.

— Я никогда не путаю голоса, — сказал Кроп. — Я филин, я слышу всё. И это был он. И тот, с кем он говорил, был воронкой.

— Воронкой?

— Да. Я видел только силуэт, но я знаю, что это была ворона. Она стояла в тени, но я видел её клюв, когда она поворачивалась. И на её лапке была булава, с ключом и пером.

Ремингтон поднялся и прошёлся по кабинету. Всё складывалось в картину, но она всё ещё была неполной. Посредник — ворона. Символ «Ключ и Перо». Инициалы «А.Б.». Георг и директор — оба жертвы шантажа. Но кто стоит за всем этим? Кто такой «А.Б.»? И что это за «проект», для которого нужен компас?

— Директор, — сказал он, поворачиваясь к Кропу, — вы должны мне кое-что пообещать.

— Всё, что угодно, — прошептал Кроп.

— Вы не будете никому говорить о том, что мы знаем. Ни Георгу, ни зрителю, ни кому-либо ещё. Если посредник узнает, что мы вышли на след, он может замести все концы. И тогда нам будет гораздо сложнее найти его.

— Я буду молчать, — кивнул Кроп. — Клянусь своей жизнью.

— Хорошо, — сказал Ремингтон. — И ещё одно. Когда вы получите следующее письмо — а вы его получите, — вы не будете отвечать на него. Вы передадите его мне. Не вскрывая и не читая. Просто передадите. Мы должны понять, откуда приходят эти письма, и кто их отправляет.

— Я сделаю так, — ответил Кроп. — Я передам вам всё.

Ремингтон подошёл к двери и остановился, обернувшись в последний раз.

— Директор, — сказал он, — вы сделали правильный выбор, решив довериться мне. Я не подведу вас.

И он вышел из кабинета, оставляя Кропа одного в полумраке, где всё ещё пахло разлитыми чернилами и страхом.

Ремингтон шёл по коридору музея и чувствовал, как внутри него нарастает напряжение. Он узнал многое, но это знание только увеличивало количество вопросов. А.Б. Кто это? И почему символ «Ключ и Перо» появляется везде, куда ни кинь взгляд? Он должен был найти ответы на эти вопросы, и чем быстрее, тем лучше.

Он вышел из музея в вечернюю сырость, и дождь снова начал моросить, холодный и мелкий. Он поднял воротник пальто и направился к экипажу, который ждал у входа. Люсиль уже сидела внутри, и он молча поднялся к ней.

— Он сломался? — спросила она тихо.

— Да, — ответил Ремингтон. — Он сказал всё, что знал. Но это не всё. Мы должны найти посредника. Мы должны выяснить, кто стоит за этими письмами. И мы должны сделать это до того, как они нанесут следующий удар.

Экипаж тронулся с места, увозя их в ночь, а за окном снова пронеслась тень, силуэт вороны, которая стояла под газовым фонарём и смотрела вслед уезжающему экипажу. Она стояла неподвижно, как статуя, и когда экипаж скрылся за поворотом, она развернулась и ушла в тень, исчезнув так же бесшумно, как появилась.

Примечание Ремингтона:

«Директор Кроп назвал имя — А.Б. Я не знаю, кто это, но я знаю, что эти инициалы будут ключом к разгадке. Они появятся ещё не раз, я уверен в этом. И когда они появятся снова, я уже буду готов.»

В этот момент, в штаб-квартире Агентства, на столе у Ремингтона лежал ещё один конверт, который принёс почтальон всего час назад. На нём не было обратного адреса, но в углу была нарисована маленькая печать, переплетённые ключ и перо. И когда Ремингтон вернётся и откроет его, он найдёт внутри всего одну строчку:

«Вы близко. Но будете ли вы готовы к тому, что найдёте? — А.Б.»

На углу Бейкер-стрит и Гленморской набережной, под морозящим дождём, стоял старый газетчик-воробей и продавал вечерние выпуски. Он видел, как экипаж остановился у штаб-квартиры Агентства, и как из него вышел высокий енот с пенсне. Он видел, как тот направился к двери, и как за ним, бесшумно, как тень, скользнула молодая енотиха. Он видел это, но ничего не сказал. Потому что старый воробей знал: те, кто задаёт слишком много вопросов, часто становятся частью истории, которую никто не хочет рассказывать.

Он завернулся в свой промокший плащ и продолжил выкрикивать заголовки:

— Вечерний выпуск! Кража века в музее! Детективы нашли след! Или всё это — лишь начало большой игры?

На углу, в тени газового фонаря, кто-то стоял и слушал. И когда воробей наконец замолчал, этот кто-то улыбнулся, развернулся и пошёл в темноту, туда, где не было света и где начинались подземелья Стальбурга.

ГЛАВА 3: «НОЧНОЙ СТОРОЖ»

Ночь в Стальбурге всегда пахнет по-особенному. Если днём город задыхается от угольной пыли, машинного масла и горячего металла, то ночью, когда фабрики затихают и газовые фонари зажигаются тусклым жёлтым светом, запахи меняются. В воздух поднимается влажная сырость с реки, смешанная с запахом мокрого камня, старой древесины и чего-то ещё того, что не имеет названия, но что Люсиль всегда узнавала с закрытыми глазами. Это был запах ночного города. Запах теней.

Она стояла на крыше соседнего здания, глядя на музей. Её тёмный плащ сливался с ночью, и даже газовый фонарь, горевший внизу, не мог выхватить из темноты её фигуру. Она стояла неподвижно, как статуя, и ждала. Ждала, пока часовой на стене музея отойдёт в тень, чтобы выкурить сигарету. Ждала, пока ветер стихнет, чтобы её шаги не были слышны. Ждала, пока луна, которая пряталась за тучами, окончательно скроется за горизонтом.

Она ждала, потому что терпение было её главным оружием. Терпение и умение быть невидимой.

Часовой, старый барсук с седыми бакенбардами, наконец отошёл к колонне, зажигая спичку. Спичка чиркнула, и на мгновение её свет выхватил из темноты его морду. Усталую, равнодушную и привыкшую к ночным дежурствам. Он затаился, выпустил дым и отвернулся, глядя в сторону набережной.

— Пора, — прошептала Люсиль.

Она сделала шаг вперёд и прыгнула. Бесшумно, как кошка, она перелетела через трёхфуттовый разрыв между зданиями и приземлилась на карниз музея. Её лапы, обмотанные мягкой тканью, коснулись камня с едва слышным шорохом. Тише, чем шелест листьев, который ветер нёс по мостовой. Она замерла на мгновение, прислушиваясь. Сердце её билось ровно, дыхание было спокойным. Она знала, что должна быть абсолютно неподвижной, чтобы её не заметили.

Она подождала ещё минуту, пока часовой докуривал сигарету, а затем двинулась вдоль карниза, цепляясь за выступы и неровности стены. Окно на втором этаже было старым, с деревянной рамой и простым шпингалетом, который держался на честном слове. Она вытащила тонкую металлическую пластинку и просунула её между створками. Шпингалет поддался с лёгким скрипом, и она открыла окно ровно настолько, чтобы проскользнуть внутрь.

Она оказалась в коридоре второго этажа. Здесь было темно, только тусклый свет с улицы проникал через грязные окна, отбрасывая на пол серые прямоугольники. Пахло пылью, лаком для мебели и чем-то ещё. Знакомым, что она не могла сразу определить. Она пригнулась. Это был запах старого пергамента и сургуча. И ещё лёгкий, едва уловимый запах бронзы. Тот самый.

Она двинулась по коридору бесшумно, как призрак. Её шаги были неслышны даже для неё самой, она привыкла двигаться так, чтобы даже половицы не скрипели под её весом. Она знала, где находятся наиболее скрипучие доски, и обходила их с инстинктивной точностью, как слепой, который знает свою комнату наизусть.

Она прошла мимо запертых дверей, мимо витрин с экспонатами, которые в темноте казались силуэтами спящих существ. Статуи, которые днём выглядели величественными, теперь казались зловещими, их тени вытягивались по стенам, словно они хотели схватить её. Люсиль не обращала на них внимания. Она видела только цель — центральный зал, где стояла пустая витрина.

Она вошла в зал и остановилась на пороге.

Здесь было ещё темнее, чем в коридоре. Тусклый свет из окон почти не проникал в эту комнату, и только несколько газовых рожков, которые горели дежурным пламенем, отбрасы-

вали колеблющийся свет на мраморный пол. Пустая витрина стояла в центре, как покинутый трон.

Люсиль шагнула внутрь и замерла.

Она закрыла глаза и прислушалась. Не ушами, она прислушивалась лапами. Она опустилась на колени и приложила ладони к холодному мраморному полу. Ткань на её лапах была тонкой, невесомой, и она чувствовала всё. Микроскопические неровности камня, лёгкие колебания от подземных коммуникаций, вибрацию от отопительных труб, которые проходили где-то под зданием. Это был привычный ритм города. Неумолчный, постоянный, как дыхание гигантского зверя.

Но среди этих вибраций она уловила кое-что ещё. Слабое и почти незаметное, но отличное от всего остального. Это была пульсация, которая исходила из-за витрины. Словно за ней, в стене, было что-то живое.

Она поднялась и подошла к витрине вплотную. Она не прикасалась к стеклу, не смотрела на него. Она закрыла глаза и снова приложила ладони, на этот раз к дубовой раме, которая держала витрину. Дерево было холодным, гладким, покрытым воском. Но когда она провела ладонями по его поверхности, она почувствовала, что оно не совсем цельное. Где-то в задней части витрины, там, где дерево соединялось со стеной, был небольшой зазор. Едва заметный.

Она открыла глаза и заглянула за витрину. Между ней и стеной было расстояние. Всего несколько дюймов, но достаточно большое, чтобы она могла просунуть туда лапу. Она сделала это и ощупала стену. Ожидая встретить камень, она вместо этого почувствовала дерево. Тонкую фанерную панель, которая была приклеена или прибита к поверхности стены. И за ней была пустота.

Люсиль прижалась ухом к этой панели и прислушалась. Сначала ничего, только тишина, которая звенела в ушах. Но потом, где-то глубоко, она услышала звук. Слабый, едва слышный, но отчётливый. Это было похоже на скрип старой пружины. На движение металла. На механизм, который где-то работал вдалеке, там, за этой фанерной стеной.

Она отстранилась и посмотрела на панель. В темноте она не могла разглядеть её детали, но чувствовала, что она не является частью стены. Её приклеили или прибили позже, чтобы скрыть то, что находится за ней.

Она услышала шаги. Где-то в коридоре. Медленные, тяжёлые. Она замерла, прислушиваясь. Шаги приближались, но не были направлены в этот зал, они доносились с другой стороны здания. Часовой делал обход. Люсиль бесшумно отступила в тень, прижавшись к стене, и замерла, сливаясь с темнотой.

Шаги стихли. Часовой повернул в другую сторону. Она выждала ещё минуту, затем снова подошла к витрине. Она должна была запомнить всё. Положение панели, её размеры, то, как она прикреплена к стене. Всё это должно было быть передано Ремингтону и Барнаби. Они должны были знать о том, что здесь есть скрытая полость.

Она снова приложила ладони к полу и почувствовала ту же пульсацию, но теперь она показалась ей сильнее, словно механизм за стеной пришёл в движение. Это было не просто эхо от отопления, это было что-то другое. Что-то живое и, возможно, опасное.

Люсиль поднялась и покинула зал так же бесшумно, как и вошла. Она вернулась к окну, проскользнула через него, и через мгновение снова стояла на карнизе, глядя на спящий город. Луна уже вышла из-за туч, и её свет разливался по крышам серебряной пылью.

Она задержалась на мгновение, глядя вниз, на улицу, где газовые фонари горели ровным огнём. И там, внизу, у самого входа в музей, она заметила фигуру. Маленькую, тёмную, стоящую неподвижно и глядящую прямо на неё. Секунду они смотрели друг на друга — фигура внизу и она, на карнизе.

Затем фигура развернулась и ушла в темноту.

Люсиль задержала дыхание, затем выдохнула и начала спускаться вниз, покидая место, которое успело стать для неё полным загадок.

Когда она вернулась в штаб, Ремингтон ждал её у камина, потягивая чай. Она передала ему свои наблюдения, и его глаза зажглись тем знакомым огнём, который появлялся у него каждый раз, когда он чувствовал приближение разгадки.

— Фанерная панель за витриной, — сказал он. — Скрытая полость в стене. И вибрация, похожая на работу механизма. Это многое меняет. Георг не просто вор, он часть гораздо более сложной игры.

— Я видела её, — сказала Люсиль. — Ворону. Она стояла у входа и смотрела на меня.

— Она наблюдала за вами?

— Нет, — покачала головой Люсиль. — Она ждала. И она знала, что я приду.

Ремингтон поставил чашку и подошёл к столу, где лежал набросок символа «Ключ и Перо».

— Значит, они знают, что мы идём по следу. Это делает нашу задачу и сложнее, и проще. Сложнее, потому что они будут мешать. Проще, потому что они будут ошибаться. А когда они ошибаются, мы их находим.

Он повернулся к Люсиль:

— Завтра мы осмотрим эту панель с Барнаби. Я хочу знать, что находится за ней и почему это так важно.

Люсиль кивнула, и они замолчали. В комнате слышно было только тиканье часов и потрескивание огня в камине. За окном снова начинался дождь.

Примечание Ремингтона:

«Скрытая полость за витриной — это не случайность. Это элемент плана. Кто-то заранее подготовил это место для того, чтобы спрятать что-то или, возможно, чтобы что-то извлечь. Вопрос в том, что именно. И почему это связано с компасом.»

На углу Бейкер-стрит, у самого входа в штаб-квартиру Агентства, стоял маленький суслик, который продавал утренние газеты. Он не смотрел на прохожих, он смотрел на окно второго этажа, где горел свет. И когда он увидел, что свет погас, он улыбнулся и направился к ближайшему газовому фонарю.

— Значит, они уже там, — прошептал он. — Хорошо. Передайте остальным. Маскеры близко. И не спускайте с них глаз.

Он сунул лапу в карман и вытащил маленький конверт. На нём была уже знакомая печать — «Ключ и Перо». Он подержал его в лапе, затем бросил в урну и ушёл, исчезая в предрасветных сумерках.

Урна у фонаря хранила конверт ровно до тех пор, пока его не подобрал проходящий мимо почтальон. Он открыл его, прочитал, нахмурился и положил в карман.

Люсиль не любила замкнутые пространства. Это было не тем страхом, который парализует и заставляет дрожать. Скорее, это был инстинкт, оставшийся с тех времён, когда она была маленькой енотихой в трущобах Риверсайда, где тесные переулки и подвалы часто становились ловушками для тех, кто не умел бегать. Она помнила, как пряталась от бандитов в узких щелях между домами, как задерживала дыхание, чтобы не выдать себя, как сжималась в комок, чтобы стать незаметной. С тех пор она научилась управлять этим страхом, превращать его в острую внимательность, в умение чувствовать пространство каждой клеткой тела. Но всё равно, когда она влезла в вентиляционную шахту, её сердце на мгновение сжалось.

Шахта была узкой. Очень узкой. Проход был не шире её плеч, и ей приходилось двигаться боком, прижимаясь спиной к одной стене и грудью к другой. Воздух здесь был спёртым, пыльным и тёплым. Пахло ржавчиной и старой штукатуркой. Она зажгла маленький фонарик, и тусклый свет выхватил из темноты ржавые стенки шахты, покрытые слоем сажи и пыли.

Она остановилась на мгновение, чтобы привыкнуть к тесноте. Её дыхание было ровным, но она чувствовала, как вибрирует металл под её лапами. Где-то внизу работала система отопления, и её гул передавался по всему зданию, создавая низкий, почти неслышимый фон. Но она умела отделять один звук от другого. Она умела слышать то, что скрыто за шумом.

Она двинулась вперёд, осторожно переставляя лапы, чтобы не создавать лишнего шума. Её движения были плавными, текучими, она знала, что в таких местах нельзя спешить. Каждый шаг должен быть продуман, каждая опора проверена. Она скользила по шахте, как вода по камню, и через несколько минут её глаза привыкли к полумраку, и она начала замечать детали, которые были невидимы при первом взгляде.

Стены шахты были покрыты слоем сажи, это было естественно для старой системы вентиляции, которая работала не одно десятилетие. Но на некоторых участках сажа была содрана, как будто кто-то недавно здесь проходил, задевая стенки плечами или спиной. Люсиль провела ладонью по одному из таких участков. Слой сажи был неровным, с чёткими вертикальными полосами, словно кто-то тёрся о стену, двигаясь боком, как и она сейчас. Кто-то, чьи плечи были чуть уже её, но чей рост был примерно таким же.

Она остановилась и принялась. Запах старой сажи и пыли смешивался с чем-то ещё. Сначала она не могла понять, что это, но потом, прикрыв глаза, она сосредоточилась на этом запахе. Это был запах старой бумаги, который она уже чувствовала в кабинете директора. Сухой, слегка сладковатый, с ноткой пергамента и чернил. Но здесь, в вентиляции, этот запах был сильнее и свежее, будто его источник находился совсем рядом.

Она двинулась дальше, следуя за запахом. Шахта делала поворот, и она почувствовала, что проход становится ещё уже. Ей пришлось втянуть живот, чтобы протиснуться, и на мгновение она застряла, но потом, переведя дыхание, она снова двинулась вперёд.

И тут она наткнулась на препятствие. Что-то твёрдое и острое лежало на дне шахты, и, когда она наступила на это, её лапа слегка скользнула. Она остановилась и опустила фонарик вниз. Свет выхватил из темноты маленький предмет. Тёмно-серый, изогнутый, с острым кончиком.

Она подняла его и поднесла к глазам. Это был обломок когтя. Толстый, тёмный, с твёрдым роговым покрытием, такой коготь мог принадлежать только тому, кто много копает. Кроту. Или барсуку. Но по размеру, скорее кроту.

Люсиль перевернула коготь в лапе и поднесла его к носу. Она принялась и нахмурилась. Запах был слабым, но отчётливым. Это была та же бронзовая смазка, которую Барнаби уже нашёл на замке витрины. Металлический, маслянистый запах с ноткой старой бронзы и воска. Тот же самый. Она была уверена.

Она положила коготь в маленький мешочек, который висел у неё на поясе, и продолжила движение. Теперь она знала, что Георг был здесь. Его коготь, его запах, его следы на стенах — всё указывало на то, что крот регулярно пользовался этой вентиляционной шахтой. Но зачем? Куда она вела?

Шахта сделала ещё один поворот, и Люсиль увидела впереди слабый свет. Он просачивался через решётку, которая, судя по всему, выходила в подвал музея. Она подползла к решётке и осторожно выглянула в щель. Внизу, на полу подвала, она увидела тени и услышала голоса. Один голос был низким и хриплым, он принадлежал старому кроту. Второй был более молодым, более резким, и он, судя по всему, принадлежал другому зверю.

Она замерла, прислушиваясь. Но говорить начали тише, и она не могла разобрать слов. Она могла только уловить интонации — напряжённые, даже враждебные. Затем один из голосов замолчал, и послышались шаги. Кто-то уходил.

Люсиль выждала ещё минуту, затем, убедившись, что в подвале никого нет, она осторожно сдвинула решётку и выскользнула из шахты. Она оказалась в том самом подвале, который уже видела вместе с Ремингтоном. Здесь было сыро, темно и пахло плесенью. Но теперь она знала, что этот подвал был не просто складом старых вещей. Это был проход. И Георг знал об этом.

Она подошла к той стене, где находилась фанерная панель, и приложила ладонь к её поверхности. Она снова почувствовала ту же пульсацию, слабую, но отчётливую. Механизм за стеной продолжал работать. И он ждал.

Она повернулась и направилась к выходу из подвала. Но прежде чем покинуть его, она остановилась и принялась. В воздухе, смешанном с запахом плесени и старой бумаги, она уловила ещё один запах. Слабый, едва различимый, но знакомый. Это был запах лавандового мыла.

Она знала этот запах. Он использовался в прачечных для униформы служащих. Дешёвый, но приятный, с резким травяным оттенком. Её ноздри дрогнули. Она запомнила этот запах, он был на когте Георга. И здесь, в подвале, он тоже присутствовал. Смешанный с запахом старой бумаги и бронзовой смазки.

Она вышла из подвала, и, когда она поднималась по лестнице, её мысли были заняты одной вещью: всё это было связано. Георг, смазка, вентиляция, фанерная панель, лавандовое мыло. Они вели к чему-то большему, чем просто кража компаса. Они вели в самое сердце загадки.

Люсиль покинула музей так же бесшумно, как и вошла, и уже через полчаса сидела в штабе, положив на стол перед Ремингтоном обломок когтя и мешочек с образцами.

— Георг, — сказала она коротко. — Он был в вентиляции. Он пользовался ею неоднократно. Его коготь покрыт той же смазкой, что и замок.

Ремингтон взял коготь и поднёс его к свету.

— Что ещё? — спросил он.

— Запах, — ответила Люсиль. — В подвале пахло лавандовым мылом. Тем, что используется для униформы служащих. И на когте тоже есть этот запах.

Барнаби, который стоял рядом, нахмурился.

— Лавандовое мыло, — сказал он. — Это дешёвое мыло, используется в прачечных для рабочей одежды. Но в музее нет прачечной.

— Значит, он стирал свою одежду где-то ещё, — сказал Ремингтон. — Или кто-то стирал её для него.

Люсиль покачала головой.

— Я не уверена. Но я знаю, что этот запах не был случайным. Он был сильным и свежим, как будто кто-то прошёл рядом, оставляя за собой этот аромат. Я хочу проверить прачечные в этом районе. Может быть, Георг пользовался одной из них.

Ремингтон кивнул.

— Хорошо. Завтра утром мы начнём проверку. Но сначала нужно разобраться с фанерной панелью. Барнаби, вы сможете осмотреть её завтра, когда музей будет открыт?

— Да, — кивнул Барнаби. — Я приду с химическими реактивами и инструментами. Я хочу понять, что находится за ней.

Ремингтон посмотрел на коготь, который лежал у него в лапе, и на мгновение задумался.

— Мы на правильном пути, — сказал он. — Георг — ключ. Но он не главный. Главный тот, кто стоит за ним.

Примечание Ремингтона:

«Обломок когтя Георга, покрытый бронзовой смазкой, это прямое доказательство его присутствия в вентиляции. Но лавандовое мыло — это что-то новое. Оно не связано напрямую с кражей. Но оно может быть связано с тем, кто помогает Георгу. Или с тем, кто за ним следит. Мы должны выяснить это.»

Когда Люсиль ушла, Ремингтон остался один в кабинете. Он поднял коготь и посмотрел на него при свете лампы. Он содержал в себе улику, которая вела прямо в сердце загадки. Георг был там. И он знал, что делает.

Ремингтон достал из стола ещё один предмет, пергаментную закладку с наброском подземного хода, которую он нашёл в книге. Он смотрел на неё, и его мысли возвращались к фанерной панели, к вибрациям, к пульсации, которую чувствовала Люсиль.

— Что ты скрываешь за этой стеной? — прошептал он. — И почему тебе нужен компас, чтобы открыть это?

Он закрыл глаза и почувствовал, как тишина комнаты заполняется звуками. Тиканье часов, потрескивание огня, далёкий гул города. И где-то в этой тишине он услышал ответ. Не словами, а ощущением.

— Архитектор, — прошептал он.

Это было имя, которое уже начало формироваться у него в голове. Имя, которое он ещё не знал, но чувствовал, что оно связано со всем этим. Кто бы ни был этот Архитектор, он был организатором всей игры.

В прачечной на углу Гленморской улицы и Доковой, где стирали униформу для музеев и ресторанов, старая выдра с седыми усами стояла у входа и курила трубку. Она смотрела на проходящих мимо зверей и никого не узнавала. Но когда мимо неё проскользнул маленький крот в новом пальто, она нахмурилась и прищурилась.

— Георг, — сказала она сама себе. — Опять ты здесь. И опять ты несёшь эту старую одежду.

Она шагнула вперёд и остановила крота.

— Ты что, работаешь теперь на стороне? — спросила она, с подозрением глядя на его пальто. — Или у тебя появились новые друзья?

Георг вздрогнул и попытался пройти мимо, но выдра схватила его за рукав.

— Я слышала о музее, — сказала она тихо. — Я знаю, что ты работаешь там. И я знаю, что ты что-то задумал. Но если ты влип в неприятности, не тащи с собой друзей.

Георг вырвал рукав из её лап и быстро пошёл прочь, не оглядываясь. Выдра проводила его взглядом и покачала головой.

— Ты всегда был тихим, Георг, — прошептала она. — Слишком тихим. Те, кто молчит, часто прячут самое страшное.

Она выбила трубку и вернулась в прачечную, где пахло лавандой и мылом.

Люсиль не любила подвалы. Не потому, что они были тёмными или сырыми, она привыкла к темноте и сырости, они были её стихией. Но в подвалах всегда пахло историей. Той историей, которую никто не хочет вспоминать, которую хоронят под слоями пыли и плесени, как старые кости. Она знала этот запах слишком хорошо. Она выросла в таких подвалах, в Риверсайде, где старые склады и затопленные тоннели служили убежищем для тех, у кого не было крыши над головой. И каждый раз, когда она спускалась в подвал, её детство оживало ощущениями. Холодом, идущим от стен, липкой влажностью, оседающей на мехе, запахом сырого камня, который смешивался с запахом воды и грязи.

Теперь она стояла на лестнице, ведущей вниз, и смотрела в темноту, которая открывалась перед ней. Газовый рожок, который горел у входа, отбрасывал жёлтый свет на первые ступени, но дальше свет рассеивался, и там, внизу, начиналась густая, почти осязаемая чернота. Она достала свой фонарик и включила его. Луч света дрогнул, оживая, и выхватил из темноты каменные ступени, покрытые слоем пыли и песка.

Она начала спускаться. Ступени были слишком скользкими для простой пыли. Она остановилась, провела ладонью по поверхности. Пальцы нащупали влажный, маслянистый слой, который покрывал камень. Это был не просто песок или грязь. Это была смесь воды и чего-то ещё. Возможно, старого машинного масла, которое просочилось через стены. Такой запах она чувствовала только в одном месте. В старых доках, где хранили механизмы.

Она продолжила спуск. Чем глубже она опускалась, тем сильнее становился запах. Сырость, плесень, старая бумага, гнилое дерево и металл — всё смешалось в единую симфонию, которая казалась почти осязаемой. Она остановилась на последней ступеньке и замерла, прислушиваясь к тишине.

Тишина была обманчивой. Под ней, как под тонким слоем льда, скрывалась другая жизнь. Тихое бормотание труб, едва слышный скрип деревянных балок, ритмичное капанье воды где-то в глубине. И ещё один звук. Слабый, почти неразличимый, но присутствующий. Он доносился откуда-то из-за стен, из той части подвала, которая была скрыта от глаз.

Люсиль двинулась вперёд, держа фонарик перед собой. Луч света скользил по стенам, выхватывая из темноты старые стеллажи, заставленные коробками и ящиками, ржавые трубы, проходящие под потолком, и груды мусора, оставленного десятилетиями. Она шла медленно, позволяя своим лапам чувствовать пространство. Пол был неровным. Старый камень, выщербленный временем, с трещинами и выбоинами. Но она чувствовала не только эти неровности. Она чувствовала, что кто-то проходил здесь недавно. Много раз.

Следы были почти незаметны, лишь слабые выемки в слое пыли, которые могли бы быть просто игрой света. Но Люсиль знала, что это следы. Она опустилась на колени и провела ладонью по поверхности. Пыль была сбита, обнажая камень под ней. Это были не просто случайные следы. Они вели в одном направлении, к дальней стене подвала.

Она поднялась и пошла по этим следам. Они привели её к стене, которая, на первый взгляд, ничем не отличалась от других. Старый камень, покрытый слоем извести и плесени. Но когда Люсиль подошла ближе, она заметила нечто странное. Каменная кладка в этом месте была не такой, как в остальной части стены. Швы были шире, раствор более свежим, а некоторые камни выглядели так, будто их недавно сдвигали.

Она опустила фонарик ниже и осветила основание стены. И тут она увидела это.

Следы раскопок. Не просто трещины или выветривания. Настоящие следы того, что кто-то пытался пробить проход в стене. Камни были сдвинуты, раствор вокруг них выскоблен, и в некоторых местах виднелись глубокие царапины. Следы инструмента. Кто-то работал здесь. Недавно. Совсем недавно.

Люсиль присела на корточки и внимательно осмотрела место раскопок. Следы были свежими, края выбоин не успели покрыться пылью, и в некоторых местах она видела следы влаги, которые ещё не высохли. Кто-то работал здесь всего несколько часов назад.

Она перевела фонарик ниже, на пол, и заметила небольшую кучку каменной крошки, которая лежала у основания стены. Она провела по ней ладонью. Крошка была сухой, но её края были острыми, не стёртыми. Это была свежая крошка, оставшаяся после работы.

И там, в этой крошке, лежал предмет. Она подняла его и поднесла к свету. Это был молоток. Старый, с деревянной рукояткой, которая была стёрта от времени и использования, и с металлической головкой, покрытой царапинами. На рукоятке, почти стёртой, но всё ещё различимой, были выжжены инициалы: «Г.К.». Георг Крот.

Люсиль сжала молоток в лапе и почувствовала, как холод металла проникает в её кожу. Это была не просто улика. Это было доказательство. Георг не только пользовался вентиляцией и трогал замок. Он пытался пробиться за стену. Но зачем? Что находилось за этой стеной?

Она поднялась и подошла к стене вплотную, прикладывая ладони к холодному камню. Она чувствовала пульсацию, ту же, что и за фанерной панелью в зале. Только здесь она была сильнее, более явной. Механизм за стеной работал.

Она попыталась просунуть ладонь в одну из щелей, образовавшихся после раскопок, но проход был слишком узким.

Она отступила на шаг и огляделась. Вокруг неё были старые ящики, стеллажи и коробки. В одном из углов она заметила маленькую стопку кирпичей и мешок с песком. Кто-то явно готовился замуровать проход обратно. Возможно, тот же, кто его делал.

Люсиль сделала ещё несколько шагов назад и посмотрела на стену в целом. Она заметила, что некоторые камни в кладке были темнее других, они выглядели так, будто их недавно смазывали или поливали водой. И на них был тот же маслянистый слой, что и на ступенях лестницы.

Она подошла ближе и провела по ним ладонью. Пальцы нащупали небольшие углубления, как если бы кто-то вставлял в стену инструмент, чтобы сдвинуть камни. Это были следы от лома или стамески. И они были свежими.

Она отступила к лестнице и направилась обратно наверх, убирая молоток в мешок на пояс. Ей нужно было сообщить остальным о находке. Она знала, что это молоток — ключ к дальнейшему расследованию. И она знала, что кто-то пытается скрыть то, что находится за этой стеной. Теперь нужно было выяснить, что именно.

Когда она подошла к выходу из подвала и уже собиралась подняться наверх, она услышала голоса. Они доносились с улицы, через открытое окно, которое выходило на набережную. Она замерла, прислушиваясь.

— Опять эти крысы под землёй шумят, — сказал один голос, старый и хриплый. — Третий раз за неделю. Там, в подвале.

— А хозяин знает? — спросил второй голос, более молодой и высокий.

— Знает. И молчит, — ответил первый. — Я ему говорил, что там какие-то звуки, что стены ходуном ходят. А он мне: «Не лезь не в своё дело». Я и не лезу. Но если там что-то обрушится, я не хочу быть рядом.

— А что там, под землёй? — спросил второй голос.

— А кто знает, — сказал первый. — Там старые туннели. Дренаж, говорят. Но я слышал, что там что-то ещё. Что-то, что построили давно. До того, как музей здесь поставили.

— И что там?

— А вот этого я не знаю, — сказал первый голос. — И знать не хочу. Потому что тот, кто туда лезет, тот или глупый, или очень смелый. А я ни то ни другое. Я лучше буду сидеть у входа и сторожить.

Голоса стихли, и послышались шаги. Люсиль подождала, пока они отойдут, и затем бесшумно поднялась наверх.

Примечание Ремингтона:

«Молоток с инициалами «Г.К.» — прямое доказательство того, что Георг не просто таксидермист, а активный участник событий. И то, что он копает стену в подвале, указывает на то, что за ней находится что-то важное. Возможно, тот самый ход, который ведёт под город. Возможно, вход в то, что ищет «А.Б.»»

На набережной, у самого входа в музей, старый сторож-барсук сидел на скамейке и смотрел на реку. Рядом с ним лежал старый кот, который иногда навевался сюда, чтобы погреться на солнце. Барсук погладил его по голове и произнес:

— Слышал, они опять там шумят. В подвале. Каждую ночь одно и то же.

Кот мяукнул, словно понимая его слова.

— А директор говорит, что это просто вода. Старые трубы. Но я-то знаю, что вода так не звучит. Это кто-то ломает камни. Кто-то копает. И я боюсь, что однажды они откопают что-то такое, что уже не закопаешь.

Кот зевнул, показав острые зубы, и свернулся калачиком. Барсук вздохнул и посмотрел на музей, который возвышался над ними, тёмный и молчаливый.

— Они не видят, что творится у них под носом, — сказал он. — Но я вижу. И я боюсь того, что там может быть.

Штаб-квартира Агентства на Бейкер-стрит, 221В, в этот час была погружена в тишину, которую нарушали лишь потрескивание углей в камине да мерное тиканье старых напольных часов. За окнами моросил дождь, и его барабанная дробь по стеклу создавала тот особенный, уютный фон, который так любил Ремингтон, когда размышлял над сложными делами. Он сидел в своём кресле, положив лапы на подлокотники и глядя в огонь, но его мысли были далеко. Там, в подвале музея, где кто-то копал стену, пытаясь пробиться в неизвестность.

Дверь открылась бесшумно, как всегда. Люсиль вошла, стряхивая с плаща капли дождя, и, не говоря ни слова, прошла к столу. Она положила на деревянную поверхность молоток с инициалами «Г.К.» и несколько клочков бумаги, которые нашла в подвале. Ремингтон повернулся к ней, и его взгляд упал на предметы.

— Вы нашли это в подвале? — спросил он, поднимая молоток.

— Да, — ответила Люсиль, снимая плащ и вешая его на вешалку. — У стены, где кто-то пытался прокопать проход. Следы свежие. Работали сегодня ночью, возможно, несколько часов назад.

Она подошла к столу и села напротив Ремингтона.

— Я осмотрела всё, — продолжила она. — Стена в том месте не каменная. Там есть проход, который замуровали позже. И кто-то пытается его открыть. Судя по следам, это Георг. Его молоток, его отпечатки и его запах.

— А как же компас? — спросил Ремингтон. — Его не было в витрине, но он мог быть вынесен не через главный вход.

— Именно, — кивнула Люсиль. — Я думаю, что Георг использовал вентиляцию, чтобы проникнуть в зал. Он знал, где находится витрина, и он знал, как открыть замок. Но компас он не оставил в музее. Он вынес его через подвал.

Ремингтон замолчал. Он снял пенсне, протёр его платком и снова надел, как делал всегда, когда ему нужно было обдумать важное решение. Он смотрел на молоток, на инициалы «Г.К.», выжженные на рукоятке, и его мысли собирались в чёткую картину.

— Значит, нам нужен крот, — сказал он задумчиво. — И имя у нас уже есть.

Люсиль молчала, ожидая продолжения.

— Георг, — произнёс Ремингтон. — Георг Крот, таксидермист. Тихий, незаметный, не вызывающий подозрений. Он работает в музее много лет, знает все ходы и выходы, имеет доступ к инструментам и материалам. Он мог снять слепок с замка, сделать копию ключа, проникнуть в зал через вентиляцию и украсть компас. А затем, попытаться скрыться через подземный ход.

— Но зачем ему компас? — спросила Люсиль. — Зачем всё это? Он не выглядит как крот, который может организовать такую сложную операцию.

— Он не может, — согласился Ремингтон. — Он исполнитель. Кто-то стоит за ним. Кто-то, кто знает о компасе, о подземельях и о том, что скрыто под музеем. Кто-то, кто использует Георга и директора Кропа как пешек в своей игре.

Он поднялся и подошёл к карте города, которая висела на стене. Старый пергамент, испещрённый линиями и пометками, которые он делал годами, теперь казался живым документом, хранящим секреты Стальбурга.

— Мы должны поговорить с Георгом, — сказал он, не оборачиваясь. — Но не так, как с директором. Мы не можем позволить ему подготовиться. Мы должны застать его врасплох, когда он не ждёт.

— Когда мы это сделаем? — спросила Люсиль.

— Завтра утром, — ответил Ремингтон. — Рано утром, до того, как музей откроется. Мы придём в его мастерскую и зададим ему вопросы. И мы посмотрим, как он ответит.

Он повернулся к Люсиль, и в его глазах вспыхнула искра.

— Но прежде чем мы это сделаем, я хочу, чтобы ты ещё раз проверила свои наблюдения, — сказал он. — Следы в вентиляции, следы в подвале. Всё это должно быть задокументировано. Мы не можем ошибиться.

— Я сделаю это, — кивнула Люсиль. — Я уже подготовила всё для протокола.

Она вытащила из кармана маленькую записную книжку и открыла её на странице, испи-санной мелким, аккуратным почерком.

— Вентиляционная шахта ведёт из мастерской Георга прямо в центральный зал, — начала она читать. — Она достаточно широка для крота, но узка для кого-то крупнее. Внутри я нашла обломок когтя, покрытый бронзовой смазкой. Той же смазкой, что была на замке витрины. Также я обнаружила следы свежей работы у стены в подвале, кто-то пытался пробить проход в старый дренажный туннель. Молоток с инициалами «Г.К.» лежал рядом, в каменной крошке.

— Отлично, — сказал Ремингтон. — Это всё, что нам нужно. Завтра утром мы идём к Георгу.

Он подошёл к окну и посмотрел на улицу, где продолжал моросить дождь. Город спал, но под его поверхностью, в тёмных подвалах и старых туннелях, кто-то продолжал свою работу.

— Люсиль, — сказал он, не оборачиваясь. — Вы хорошо поработали сегодня. Отдыхайте. Завтра будет трудный день.

Люсиль поднялась, бесшумно поправила плащ и направилась к двери. У самого порога она остановилась и обернулась.

— Профессор, — сказала она тихо. — А если Георг не захочет говорить?

Ремингтон улыбнулся, но в его улыбке не было тепла.

— Тогда мы заставим его говорить, — сказал он. — У нас есть способы.

Она вышла, и дверь за ней закрылась с мягким щелчком. Ремингтон остался один в кабинете, глядя на огонь, который плясал в камине, и на молоток, лежащий на столе.

Примечание Ремингтона:

«Георг Крот — наша главная зацепка. Он был в вентиляции, он копал стену, он оставил свой молоток. Но он не действует в одиночку. За ним стоит кто-то, кто знает о подземельях и о том, что скрыто в компасе. Завтра мы поговорим с ним. И мы узнаем всё, что он знает.»

В тот же час, в мастерской музея, где пахло старым деревом и нафталином, Георг сидел на стуле, глядя на свои дрожащие лапы. Перед ним лежал Золотой компас. Он был здесь, в его руках, но он ещё не знал, что с ним делать. Он смотрел на него, на его блестящую поверхность, на рубины, вделанные в крышку, и чувствовал, как страх сжимает его грудь.

— Я не могу, — прошептал он. — Я не могу больше.

Но в ответ он услышал лишь тишину. И где-то вдалеке, на улице, раздался голос газетчика, выкрикивающего заголовки о краже века.

Он сжал компас в лапах и почувствовал, как холод металла проникает в его тело. Он знал, что он должен сделать. Но он не знал, сможет ли он это сделать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.